
Игорь МОЩИЦКИЙ

ПОД ЗНАКОМ ШУМЕЙКЕРОВ—ЛЕВИ

Записки сентиментального афериста

Несущая смерть

24 марта 1993 года в Паломарской обсерватории Южной Калифорнии с помощью 0,46-метрового телескопа системы Шмидта супруги Юджин и Каролина Шумейкеры и канадский астроном-любитель Дэвид Леви обнаружили комету, которую научное сообщество назвало кометой Шумейкеров—Леви 9. Открытие новой кометы всегда событие знаковое не только для научного сообщества, но и для людей, искренне интересующихся научными новостями. И на этот раз любознательная часть публики с интересом узнала, что на момент открытия комета представляла собой набор отдельных фрагментов диаметром около двух километров, которые выглядели с Земли как нанизанные на нитку жемчужины. Этим «небесным жемчужинам» предстояло бомбардировать газовый гигант Юпитер в течение нескольких суток, начиная с 20:16 по Гринвичу 16 июля 1994 года. Причем при столкновении с Юпитером каждой жемчужины ожидался взрыв, равный по мощности десяткам миллионов водородных бомб, а мощность самого крупного столкновения должна была превысить мощность всего накопленного на Земле на тот момент ядерного оружия в 750 раз. Впечатляющие цифры! Широкою публику первые сообщения о вновь открытой комете не очень заинтересовали — ну, летит по небу какая-то хрень, мало их, что ли, там летает, а что до грядущего столкновения с Юпитером, так не с Землей же. Однако газетчики знали, что чисто научные сообщения могут быть поводом для сенсации, и не упустили свое: в газетах стали появляться статьи с заголовками типа: «Хвостатые небесные путешественницы — предвестники будущих катастроф?», «Комета — это всегда не к добру!», «Кто они, небесные странницы, и что несут на своем хвосте?» и т. п. Статьи эти пользовались таким успехом, что слово «комета» по числу упоминаний в прессе вдруг превзошло недавние эвфемизмы, связанные с КПСС. Публика узнала, что слово «комета» происходит от древнегреческого «кометис», в переводе означающего «волосатый», за непременный устрашающий хвост и что с древнейших времен до наших дней эти небесные гости считались предвестниками несчастий. В средние века их даже прозвали бичами божьими и ожидали с их появлением войн, землетрясений, наводнений,

Игорь Иосифович Мощицкий — член Союза писателей и Гильдии драматургов Санкт-Петербурга. Написал более двадцати пьес и не менее двухсот текстов песен к разным спектаклям. Спектакль «Прощай, Россия» Александринского театра стал лауреатом международного и российских театральных конкурсов. В 2016 году его пьеса «Мой бедный Бенджи», написанная на основе романа Фолкнера «Шум и ярость», вошла в шорт-лист VIII Международного биеннале современной драматургии. В 2017 году стал дипломантом Международного литературного конкурса имени Н. В. Гоголя за книгу «Записки конформиста». Победитель конкурса Гильдии драматургов России на лучшую современную комедию («Звезда из местечка», 2018).

эпидемий, гибели императоров, королей и видных политиков. Мартин Лютер, великий реформатор церкви в XVI столетии, заявлял: «Язычники пишут, что кометы могут иметь естественное происхождение, однако Бог не сотворил ни одной кометы, которая не предсказывала бы неизбежное бедствие», и, словно в подтверждение его слов, в разных документальных источниках (летописях, церковных книгах, и т. д.) зафиксировано множество свидетельств явления комет перед началом природных катаклизмов и войн. Так в 1811 году на небе была видна яркая комета, а на следующий год началась война с французами и сгорела Москва. Появлялась комета и перед Первой мировой войной, а буквально за несколько месяцев до нападения гитлеровской Германии на СССР в советском небе наблюдали целых три «хвостатых гости». Самой зловещей из небесных предвестниц несчастий считается комета, открытая английским королевским астрономом и математиком Эдмундом Галлеем в 1705 году и названная его именем. Начиная с 240 года до н. э. через каждые 76 лет 14 раз приближалась она к Земле, и всегда вслед за ней случались неслыханные бедствия, и даже неполный их перечень впечатляет. В 240 году до н. э. произошло небывалое по масштабам наводнение в Китае. В 66 году до н. э. началась война между Римом и Иерусалимом, закончившаяся полным разгромом последнего и унесшая миллионы жизней. В 374 году племена гуннов начали завоевательные набеги на Европу, а в 1066 году Англию завоевали норманны. В 1222 году началось нашествие монголо-татар на Русь. В 1835 году огромная по своим масштабам эпидемия чумы сократила численность населения Европы. Последний раз злосчастную комету наблюдали в 1986 году, и в том же году произошел взрыв на Чернобыльской АЭС. В 2062 году снова ожидается появление кометы Галлея, и многие с ужасом задались вопросом: что она принесет с собой на хвосте в этот раз? Но вот в одной малочитаемой региональной газете появилась устрашающая статья, автор которой утверждал, что опасаться нового появления кометы Галлея в 2062-м нет никакого смысла, потому что наблюдать ее будет некому, поскольку в июле 1994 года неминуемо наступит конец Солнечной системы. К такому выводу он пришел в результате расчетов, выполненных, по его словам, с точностью не менее 95 % на основе созданной им математической модели без всякой магии и прочего колдовства, но с помощью экстрасенсорики, нумерологии, астрологии и других, по его мнению, старинных, но актуальных наук. Свои расчеты он выполнил еще за три года до открытия Шумейкеров—Леви, и тогда никто ему не поверил. А когда стало известно, что именно в июле 1994 года при столкновении кометы с Юпитером энергия взрыва превзойдет мощность сотен миллионов водородных бомб, статью никому не известного предсказателя перепечатали несколько других региональных газет, чтобы всем стало ясно, как он был прав. Вскоре похожие материалы, правда, без экстрасенсорики появились в отдельных федеральных газетах и даже на телевизионных каналах — ведь сенсаций в мире не так уж много, а без них как повышать тиражи и рейтинги? Разумеется, представители академической науки на страницах газет и через экран телевизора разъясняли, что Солнечной системе, по крайней мере, в ближайшие годы ничего не угрожает, а журналисты из тех, что пообразованней, писали статьи с заголовками типа «Вся правда о кометах» и «Разоблачение очередного мифа». Неожиданно к ним присоединились невесты откуда взявшиеся поклонники нумерологии, то есть системы мистической связи чисел с жизнью людей. Они обратили внимание на присутствие в названии кометы Шумейкеров—Леви 9 цифры, означавшей, что это девятая известная астрономам комета, период обращения которой вокруг Солнца составляет менее 200 лет. В нумерологии к числу девять особое отношение: оно считается символом завершенности и высшего умственного и духовного достижения. Связано это с тем, что при умножении на любое число девятка воспроизводит себя. Например, $9 \times 4 = 36$, а $3 + 6 = 9$; $9 \times 5 = 45$, а $4 + 5 = 9$ и т. д. Девять — последнее и наибольшее число в ряду от 1 до 9,

предшествующее первому десятку, и, следовательно, по мнению нумерологов, означает конец одной стадии духовного развития и начало другой более высокого порядка. В христианстве девять — ангельское число, ибо в Библии упоминается о девяти ликах ангелов. В общем, девять — сакральное число, и комета, имеющая его в названии, не может причинить вред человечеству и принесет на хвосте только добро.

Доводы поборников академической науки и эксцентричных поклонников нумерологии многим показались бледноватыми на фоне нечастых, но ярких выступлений предсказателей вселенской катастрофы. В совсем недавние времена никакой трибуны эти предсказатели не получили бы — цензоры безжалостно отсекали все, что, по их мнению, обывателю знать не положено или может понапрасну его напугать. И хотя продвинутая часть общества все же исхитрялась получать недостающую информацию «из-за бугра», большинство людей доверяли печатному слову, и если у кого-то официальная информация вызывала сомнение, ему отвечали: «Как же можно не верить, если в газете написано». К 1994 году запретных тем не стало, но и доверия к прессе поубавилось. Да и как ей было доверять, если, к примеру, в одних газетах писали, что в обозримом будущем жизнь на Земле погибнет от неминуемого потепления, в других — от нового ледникового периода, а в третьих предрекали конец всей Солнечной системы и указывали его точную дату. Когда-то героиня Александра Володина, отражая главную фобию своего времени, произносила как заклинание: «Лишь бы войны не было». Со временем народ бояться мировой войны перестал, не верил, что она начнется при его жизни, а к пугающим сообщениям о грядущих катаклизмах научился относиться с иронией, мол, бумага все выдержит, а будет что или нет, точно никто не знает, так чего тревожиться понапрасну. Но известия о грядущем столкновении недавно открытой кометы с Юпитером все-таки растревожили воображение наиболее впечатлительных граждан. Апокалипсические статьи на эту тему они перечитывали по многу раз и показывали друзьям и знакомым, чтобы те прочитали о скором конце света собственными глазами и убедились: это не досужие разговоры, вот, в газете прописано. Статьи эти одних удивляли, других раздражали, а третьи, к радости рекламодателей, хватались за бумажник: раз конец света на носу — какой смысл откладывать деньги? Надо тратить их сейчас, скоро будет поздно. Одновременно сторонники теории заговора называли предсказателей скорого конца Солнечной системы адептами мирового правительства, возжелавшего вызвать массовый психоз и создать хаос, чтобы таким образом навредить нашей любимой стране. Ни психоза, ни хаоса в ожидании предстоящих потрясений в космосе не случилось, однако к какому-то моменту трудно было найти человека, который не был наслышан об открытии Шумейкеров—Леви. По крайней мере, мне так казалось, потому что куда бы я ни пришел — на работу, в гости или в незнакомое учреждение, — обязательно кто-нибудь заводил разговор о роковой комете. А однажды, возвращаясь с работы, я услышал обрывки впечатляющей беседы старушек, сидевших возле моего дома на лавочке.

— Летит по небу страшная комета, она врежется в Землю и все погубит, — говорила одна из них, и глаза ее излучали уверенность, что ожидаемая ею катастрофа случится, может быть, даже на днях.

— Точно погубит? — переспрашивала другая старушка с недоверием и ужасом.

— Даже не сомневайся. Я вчера сама по телевизору слышала поздней ночью. Ты в телевизор веришь?

— Кто ж ему не верит.

— Тогда включи его после двенадцати. Тоже такое услышишь.

— Ой, страх какой. Это наказание Божие за грехи, — не очень уверенно проговорила сомневающаяся старушка.

— Комета столкнется не с Землей, а с Юпитером, — решил я просветить старушек, и тут же у них обеих загорелись глаза.

— А далеко ль отсюда до Юпитера? — поинтересовалась та, что предвещала неизбежную катастрофу.

— До Юпитера от нас восемьсот миллионов километров. Это почти в миллион раз дальше, чем отсюда до Москвы, — щегольнул я эрудицией.

— По масштабам космоса, может, это и не так далеко, — заметила старушка, предсказывавшая скорую гибель на Земле всего живого.

— Ты лучше скажи, нас это происшествие коснется каким-нибудь образом аль нет? — с надеждой спросила другая старушка, и обе они посмотрели на меня, как на оракула.

— Простите, но мне это неизвестно, — застыдился я и пошел домой, самокритично рассуждая про себя: «Если не очень в теме, нечего в разговор влезать. А вообще-то, плохой признак, когда даже старушки на лавочке ведут разговор о скором конце света. Не к добру это».

Мне и в голову не могло прийти, что, поднимаясь по лестнице, я с каждым шагом приближался к минуте, когда неожиданно окажусь втянутым в орбиту движения той самой кометы, неумолимо сближающейся с Юпитером. Поворачивая в двери ключ, я услышал телефонный звонок, который прекратился, как только я вошел в квартиру. «Наверно, прозевал нечто важное и интересное», — почему-то подумал я, но расстроиться не успел. Телефон зазвонил снова, и я услышал знакомый голос Дмитрия Ивановича Коваленко, в недавнем прошлом известнейшего в стране кинооператора, а ныне директора студии «Кадр», возникшей на территории «Леннаучфильма» с началом приватизации.

— Здравствуйте. Мы давно не общались, не было повода. У меня для вас интересное предложение. Скажите, слышали вы что-нибудь о комете Шумейкеров—Леви?

— По-моему, сейчас трудно найти человека, который бы про нее ничего не слышал. Всюду про нее говорят, хотя толком ничего не знают. А почему вы спрашиваете? — удивился я неожиданному совпадению с темой разговора со старушками.

— Плохо, что ничего не знают. Надо, чтобы знали. Вот вы согласитесь написать сценарий документального фильма, посвященного этой самой комете?

— Шутите? — усомнился я в серьезности его слов, хотя тема для стеба вроде не подходила.

— Разве я когда-нибудь шутил, если дело касалось работы? — обиделся Дмитрий Иванович.

— Но почему такое предложение именно мне? Мало, что ли, профессиональных сценаристов?

— Много, — согласился Дмитрий Иванович. — Но вы себя хорошо зарекомендовали. Разработали несколько сценариев представительских фильмов и нашли нестандартные решения в разработках рекламных роликов, которые имели успех.

— Где они имели успех? Из ста сценариев реализовано пять.

— У нас они имели успех. И не скромничайте. Вовсе не пять ваших сценариев мы реализовали, а четырнадцать или пятнадцать. Точно не помню. А что не сняли больше, так это не по нашей вине.

— Но, простите, где я и где космос? У нас и астрономии-то в школе не было. Трудно найти человека, менее посвященного в загадки небесных светил.

— А вот про это не беспокойтесь. Вас просветят. Только нужно приехать завтра к трем часам на набережную Кутузова, десять. Там находится Институт прикладной астрономии РАН. Так вы приедете? Что-то пауза у нас затянулась, — начал сердиться Дмитрий Иванович.

Начало кинокарьеры

С Дмитрием Ивановичем я познакомился в 1992 году, запомнившимся стране началом жесткой шоковой терапия. В январе того года в НИИ, где я работал в должности ведущего инженера, объявили новые должностные оклады, и поначалу услышанные цифры впечатлили. Мой оклад составил 650 рублей, и номинально это было в три раза больше, чем я получал в декабре, еще при советской власти. Однако радовался я недолго, потому что жизнь подорожала в десятки раз. Правда, купить теперь можно было все, но не в магазинах, где полки еще оставались пустыми, а на стихийных уличных рынках, работавших под негласным надзором милиции. Из каких закупок и каким образом к спекулянтам попадали товары, а также кто устанавливал одинаковые для них всех безумные цены, тайна сия великая есть, не разгаданная до сих пор. К примеру, сигареты и папиросы, из-за дефицита которых в последние годы советской власти даже табачные бунты случались, теперь свободно продавались на каждом углу, но по единой устрашающей цене для каждой марки. Чтобы выкуривать, как я привык, две пачки болгарских сигарет в три дня, требовалось минимум 600 рублей в месяц, то есть практически вся зарплата, а у меня были жена и ребенок, их надо было как-то кормить. Впрочем, и шестиста рублей могло не хватить, потому что, где бы я ни оказался с сигаретой в зубах или без, непременно кто-то рядом произносил сакраментальное: «Сигаретой не поделитесь?» Как-то в те дни я навестил друга в больнице и пока шел по больничному коридору, пациенты, медсестры и санитарки выпросили у меня аж полпачки сигарет, а на обратном пути выпотрошили пачку до конца. Однажды, купив у пожилой спекулянтки пачку болгарских сигарет, к которым привык за много лет и которые вдруг стали отвратительными (говорили, что их по болгарской лицензии с недавних пор делали у нас), я не выдержал и буркнул:

— Совести у вас нет, от такой дороговизны может инфаркт хватить!

Тут же последовал веселый ответ спекулянтки:

— Вот и надо с вас драть, чтобы не курили, берегли здоровье.

«Экая благодетельница. Филантроп!» — подумал я тогда и вскоре действительно бросил курить без помощи врачей, лекарств и гипнотизеров — понял, что больше не имею на это права. Но ситуацию мой подвиг не спас. Мало того, что зарплата была безумно низкой, ее регулярно задерживали, а когда наконец выплачивали, на нее мало что можно было приобрести из-за дикой инфляции. В этих условиях многие мои коллеги бросили работу, требовавшую высокой квалификации, и ушли кто в примитивный бизнес типа купи-продай, а кто в охранники и сторожа. Те же, кто остались, жили за счет мужей, жен, родителей, кто чем был богат, или на случайные приработки. У моей жены родители жили на юге и, когда могли, присылали с проводниками поезда продуктовые посылки, в которые обычно укладывали пару баночек меда или замечательного варенья из инжира, банку домашних консервов и какие-нибудь плоды из своего сада — грушу или хурму в зависимости от сезона. Увы, после одного случая от услуг проводников пришлось отказаться. Мы с женой пришли встречать очередную посылку, и когда поезд остановился, у всех вагонов мгновенно выстроились очереди. Из вагонов показались проводники и стали громко называть фамилии, а когда кто-то отзывался, выносили из служебного купе посылку и вручали адресату. Проводники за такую услугу получали небольшую мзду — им чем больше посылок, тем выгоднее, но в тот раз посылка набралась необычно много, и процесс раздачи затянулся. Неожиданно возле вагона, где встали мы с женой, появился вокзальный милиционер и, оценив ситуацию, объявил:

— Передача посылок с проводниками запрещена. Всем, собравшимся у вагонов, немедленно разойтись. Повторяю...

Сейчас в связи с угрозой терроризма такой запрет действительно существует, но в то время ни о каких террористах на нашей территории еще и не слыхивали. Поэтому и проводник, и встречающие пребывали в уверенности, что призывы разойтись являлись самодеятельностью шустрого милиционера, вознамерившегося поживиться чужим добром. Между тем он все настойчивей и громче призывал разойтись, а наш проводник под его почти крик мужественно раздавал посылки людям, которые, хоть, и поеживались от мысли о применении к ним силы, расходиться с пустыми руками не собирались. В этой пугающей обстановке мы с женой, простояв минут пятнадцать, все-таки дождалась своей очереди и, схватив посылку, помчались домой. Все, что мы в ней обнаружили, было очень даже кстати, потому что холодильник наш был пуст, но все же мы позвонили ее родителям и попросили впредь высылать посылки только почтой. Услуги почты к тому времени резко подорожали, а почтовые посылки стали идти очень долго, и присылать скоропортящиеся продукты нам перестали, но переживать новые приключения с голодной милицией у нас желания не было. Все-таки какие-то посылки мы получали и радовались: они были небольшим, но подспорьем. Увы, папа и мама на юге имелись далеко не у всех, и у некоторых моих сотрудников начались голодные обмороки. Скорый конец света привиделся тогда многим без всякой кометы, и это не фигура речи. Мне известны случаи, когда здоровенные мужики, не найдя способа прокормить семью, впадали в депрессию и полное бездействие, а двое знакомых даже покончили с собой. Женщины, кстати, в тех обстоятельствах в безнадежную депрессию впадали реже, но многие из них своих мужчин пилили по полной программе, что порой и приводило к трагедиям. Я в депрессию не впал и мучительно искал способ заработать хоть какие-то деньги, но получалось не очень. Попробовал заниматься репетиторством, но быстро выяснилось отсутствие у меня педагогических талантов. Устроился грузчиком на овощную базу, но, проработав там целый день и пропитавшись запахом гнилых помидоров, получил слезы, а не гонорар, а на второй день сорвал спину. Хорошо помню, как однажды на подходе к метро увидел молодого, прилично одетого парня, просившего милостыню, и когда он взглянул на меня с надеждой, я подумал: «Эх, парень, не за того ты меня принял. Мне в пору встать с тобой рядом и тоже заискивающе тянуть руки к прохожим». Но вот однажды, когда в очередной раз дома не было ни копейки, а подошло время платить за музыкальную школу сына-первоклассника (не бог весть какие деньги, но где-то их надо было найти), позвонила знакомая по веселой доперестроечной компании — девушка по имени Лена. Еще недавно она училась в аспирантуре на кафедре математики Ленинградского университета, но бросила ее, потому что не на что стало жить, и ушла в рекламный бизнес. Лена сказала, что директор какой-то киностудии со звучным названием «Кадр» Дмитрий Иванович Коваленко ищет человека, способного написать сценарий рекламного видеоролика для очень солидного, но капризного заказчика.

— Гонорар — сто долларов, но имей в виду: этот заказчик уже дюжину сценариев отверг. Надежды, что ему понравится именно твой сценарий, мало, хотя — а вдруг! Может, попытаешься?

Как человек, видевший доллары только в кино, я сильно удивился:

— Лена, а почему гонорар не в рублях? Ведь не в Штатах живем?

— Идиотский вопрос. Ты что, в магазины не ходишь, не видишь, что все дорожает в разы? Доллар, конечно, тоже дешевеет, но не с такой скоростью, как рубль. А за валютные операции уже давно не сажают. Может, ты не заметил: обменные пункты теперь за каждым углом, и граждане возле них в очередь выстраиваются. Так, поделись, давай твой телефон Дмитрию Ивановичу?

На основной работе мне жалование полгода уже не выплачивали, и слова о возможном гонораре звучали как музыка.

— А давай я сам ему позвоню, — попробовал я поторопить события, но у Лены был опыт в таких делах.

— Не надо. Солидной будет, если он тебе позвонит. Я сейчас же передам ему номер твоего телефона.

— А если он не позвонит?

— Не позвонит, значит, нашел кого-то другого. Но ты все-таки посиди дома хотя бы часик.

— Ладно, посижу, — согласился я и с грустью подумал, что зря Лена меня растревожила. Не будет директор целой киностудии с таким красивым названием предлагать сотрудничество неизвестно кому, то есть мне. И можно смело уходить из дома — не позвонит мне никакой Дмитрий Иванович ни через час, ни через два.

Но он все-таки позвонил и первым делом уточнил:

— Лена сказала, что вы драматург. Это так?

— Не совсем. Драматург живет на гонорары, а я все-таки в присутствии хожу. Правда, в последнее время всего три дня в неделю. Так руководство придумало, чтобы платить меньше, хотя все равно не платит. Говорит, деньги не поступают.

— Странно. Лена сказала, что ваш спектакль в самом Александринском театре идет.

— Это правда. На малой сцене.

— А на большую сцену никак?

— Собираются ставить меня в Москве. Но это когда еще будет, если будет вообще.

— Для кино писать не пробовали?

— Не приходилось.

— Жаль! — он ненадолго замолк и неожиданно спросил: — Как вы относитесь к израильскому кофе «Микадо»? Пробовали когда-нибудь?

— Даже не слышал о таком кофе, — удивился я вопросу.

— Я тоже не пробовал, но говорят, кофе хороший. Мне нужен сценарий рекламного ролика про этот кофе. Возьметесь?

Это было конкретное предложение, и я обрадовался:

— А что, можно попробовать.

— Типовые требования к сценарию рекламного видеоролика знаете?

— Догадываюсь. Видел их достаточно по телевизору. Но все же назовите.

— Действие видеоролика для экономии денег нужно вмести в один интерьер, и продолжительность ни в коем случае не должна превысить тридцать секунд, иначе ролик не возьмут ни на одном канале, кроме кабельного, а это совсем другая по численности аудитория и оплата другая. Остальное — дело вашей фантазии и таланта, но вы должны представить пять вариантов сценария. Оплата после заключения договора с заказчиком.

Просить, чтобы со мной заключили договор до начала работы, я не решился, потому что был никем и звали меня никак, а сказал только:

— Будут вам пять вариантов.

— Жду вашего звонка через три дня, — закончил нашу беседу Дмитрий Иванович.

Я повесил трубку и задумался: почему израильскому кофе не присвоили, скажем, какое-нибудь ветхозаветное имя из тех, что на слуху во всем мире, типа Аарон или Валтасар, а назвали «Микадо»? Посчитали, что так будет красиво? Хотели придать названию заманчивый восточный колорит? Из энциклопедии я узнал, что Микадо — древнейший, теперь уже неупотребляемый титул для обозначения светского верховного повелителя. Я вспомнил виденный еще в школе музыкальный трофейный фильм 1939 года. Там Микадо являлся в образе немолодого, но еще полного сил японского

мужчины со значительным лицом, лысоватого, но с высоким узлом волос на затылке, державшихся с помощью украшенной драгоценностями длинной заколки. Он был в золотистом кимоно, опоясанном несколько раз матерчатой лентой и короткой накидке под ее цвет. Тут же я представил его в пяти разных ипостасях: военным стратегом; победителем в японских единоборствах; философом; эстетом, ценителем прекрасного и, наконец, неутомимым любовником. Оставался чистый пустяк: оживить эти пять образов в коротеньких сценках. Я вспомнил про виртуальные сто долларов, и рука сама забегала по бумаге, а мне осталось только следить за расстановкой знаков препинания. Первым делом я взялся за Микадо-любовника, и мне представилась дама средних лет, которая, полулежа на диване, пьет кофе и одновременно читает книгу «Любовные похождения Микадо». (Название книги, разумеется, должно мелькнуть во весь экран.) Вдруг вспышка, как в восточных сказках перед явлением джинна из кувшина, и перед дамой возникает Микадо.

— Вы кто? — пугается дама.

— Я Микадо, — отвечает Микадо, забирает у дамы чашку и садится рядом с ней на диван.

— Вы так любите кофе? — удивляется дама.

— Обожаю, особенно если оно носит мое имя, — отвечает Микадо и с удовольствием отхлебывает кофе.

— Странно. А в книге написано, что у вас другое увлечение.

Разочарованная дама показывает гостю обложку своей книги.

— Видите ли, я уже не в том возрасте, — объясняет Микадо. — Но теперь, когда я выпил столь замечательный кофе...

Микадо обнимает даму, и появляется надпись: «Кофе „Микадо“ — вкус молодости!»

С Микадо-любовником было покончено, но вдохновение не покидало меня, и через пару часов еще четыре варианта сценария были на бумаге. Время было не очень позднее, и я собрался звонить Дмитрию Ивановичу, но подумал и решил не спешить — а вдруг он сочтет, что эта работа для меня слишком легкая, и мои виртуальные сто долларов превратятся в пятьдесят, а то и того меньше. Но ровно через три дня я победно сообщил ему по телефону, что работа готова.

— Отлично! Вышлите по почте, — распорядился он и продиктовал свой домашний адрес. — По прочтении обязательно отзвонюсь.

Я был разочарован. Мы же не виделись ни разу, и хотелось лично пообщаться с живым киношником, а главное, увидеть его восторженную реакцию на свои труды, другой не ждал. Но не выказав недовольства, я послушно вложил свой труд в конверт и бросил в почтовый ящик рядом с домом. Прошла неделя. Дмитрий Иванович не звонил, и появились тревожные мысли, типа вдруг он уже получил мои сто долларов и прогулял в каком-нибудь вновь открывшемся дорогом ресторане, ведь я понятия не имел, что он за человек. Тем более письменных обязательств у него передо мной не было, а развести лоха в наши дни — милое дело. Прошла еще неделя, и я не выдержал, позвонил сам.

— Я как раз собирался вам звонить. Поздравляю. Ваша работа настолько понравилась заказчику, что он решил реализовать все пять ваших вариантов, — деловито, без всяких эмоций в голосе обрадовал меня Дмитрий Иванович. — Мы сегодня закончили составлять смету и завтра повезем ее к нему на утверждение. Завтра или послезавтра ждите звонка.

Но ни завтра, ни послезавтра, ни через три дня звонка не последовало, и на четвертый день я снова позвонил Дмитрию Ивановичу.

— Увы, заказчик отказался от ваших сценариев. Чтобы достойно снять по ним видеоролики, необходима компьютерная графика, а оказалось, это для него дорого, —

сообщил он опять без малейшей эмоции в голосе на этот раз неприятную весть, но не успел я расстроиться, как он предложил: — А вы не могли бы написать для нас сценарий представительского фильма?

Я понятия не имел, что такое представительский фильм, но скажи я нет, Дмитрий Иванович исчез бы для меня навсегда.

— Смогу. Только вначале надо бы встретиться, — ответил я, не задумываясь.

— Разумеется, — согласился Дмитрий Иванович. — Приезжайте ко мне завтра к пяти часам. Как раз и Кац подойдет.

Присутствие на нашей будущей встрече какого-то Каца меня не вдохновило. Кто знает, что от него ожидать? Но в назначенное время я отправился к Дмитрию Ивановичу на Петроградскую сторону, где он жил в очень красивом доме старинной постройки. Когда я вошел в его парадную, за моей спиной возник здоровенный дядька. Время было тревожное, и оставаться с незнакомым мужиком вдвоем на чужой пустой лестнице не очень хотелось — вдруг даст по голове, и что тогда? Преодолевая себя, я стал медленно подниматься, разглядывая номера квартир, и когда остановился у нужной двери, мужик остановился тоже. «Сейчас все и случится», — подумал я и торопливо нажал кнопку звонка, надеясь, что Дмитрий Иванович окажется обладателем атлетической внешности и мужик испугается и убежит. Дверь распахнулась, и на пороге предстал невысокий плотненький, но не атлет человек с чересчур серьезными глазами для домашней обстановки. Это и был Дмитрий Иванович.

— Проходите, — сказал он, и я понял, что приглашение относилось также к мужику за моей спиной.

Через минуту мы втроем оказались в большой комнате, главными украшениями которой были громоздкий книжный шкаф, круглый обеденный стол и журнальный столик с разбросанными на нем бумагами и ручками.

— Знакомьтесь, — представил мужика Дмитрий Иванович, — Эдуард Константинович Кац, главный режиссер нашей студии.

Позже я узнал, что в свое время на «Леннаучфильме» Кац считался одним из ведущих режиссеров, а Дмитрий Иванович чуть ли не лучшим кинооператором страны. Вместе они сделали больше 60 фильмов, причем любимой темой Каца всегда была публицистика. В первые постперестроечные годы он умудрился снять ставший знаменитый фильм «Плата за любовь» о бурной ночной жизни Петербурга, причем на время съемок к нему и съемочной группе даже приставили охрану. Когда появилась возможность, Кац приватизировал на «Леннаучфильме» целый этаж и основал свою киностудию, директором которой стал Дмитрий Иванович. Теперь Кац мог снимать, что хотел, и его дебютом как свободного режиссера стал фильм на давно волновавшую его тему «О христианской демократии». Но чтобы снимать подобные фильмы, нужны были деньги, и он добывал их, изготавливая рекламные видеоролики и представительские фильмы. В этой его деятельности мне и предстояло принять участие.

— Слышал, о вас, слышал. Дмитрий Иванович очень хорошо отзывался, — благожелательно улыбнулся мне Кац, когда мы втроем уселись за журнальный столик. — А еще он сказал, что у вас инженерное образование.

— Это так, — подтвердил я.

— Отлично. Надеюсь, вы сможете нам помочь. Дело вот в чем. В городе существует очень известная и, я бы даже сказал, знаменитая фирма «Научные приборы». Вы наверняка о ней слышали. Ведь так? — вопросительно взглянул на меня Кац.

— Увы, ничего не слышал, — ответил я и почему-то подумал, что фирма эта знаменита только в воображении Каца.

— Жаль, что вы о ней не слышали. Там разрабатывают и изготавливают высокоточные приборы на уровне лучших зарубежных аналогов и продают по демпинговым

ценам, от чего эти приборы пользуются успехом на мировых рынках, — кратко объяснил Кац и перешел к главному: — Чтобы расширить число клиентов, фирма заказала нам представительский фильм о своем новом приборе, и возникла идея пригласить не профессионального сценариста, обученного во ВГИКе писать на любые темы, толком ни в какой не разобравшись, а инженера, владеющего пером. Мы уже начали искать подходящую кандидатуру, и вдруг возникли вы. Что скажете?

Я стал объяснять, что являюсь технологом и в процессе работы мне не надо вникать в устройство приборов, которыми пользуюсь, это другая специальность.

— Но разобраться в их устройстве сможете, если потребуется? — перебил меня Кац. — Вы же в отличие от нас с Дмитрием Ивановичем изучали физику, высшую математику, другие науки мудреные.

— Ну да, изучал. Разберусь, — торопливо подтвердил я, понимая, что долго уговаривать меня не будут. — Вы хоть образец сценария дайте. Я все-таки ВГИК не заканчивал.

— Дима, у тебя дома есть какой-нибудь сценарий? — обернулся Кац к Дмитрию Ивановичу.

— Только про экспедицию «Мамонт».

— Давай сюда.

Дмитрий Иванович нашел на журнальном столике несколько отпечатанных на пишущей машинке листков и протянул мне. Я прочитал заголовок: «Экспедиция „Мамонт“. Сценарий кинофильма». С новой строки текст: «Север. Пурга. Завывание ветра. Очень крупноснежные вихри. Имитация северного сияния». Далее крупным шрифтом следовал, как я понял, дикторский текст, который должен был звучать одновременно с описанной картинкой: «Слоновой кости сейчас немного. Африканские и индийские слоны на грани полного истребления. Поэтому охота на гигантов фауны жарких стран запрещена, несмотря на то, что люди не хотят расставаться с изделиями из слоновой кости. Но при чем здесь север?» Затем описание следующей картинкой мелким шрифтом: «По одной из северных рек несетя катер с экспедицией на борту. Проплывают берега. Взлетают полярные птицы — кайры, чайки, утки. Старый ненец в национальной одежде показывает рукой на берег. Силуэты чумов на фоне неба. Огромное северное солнце красноватого цвета. На его фоне пасущиеся олени». А следом крупным шрифтом снова дикторский текст: «Там, где сейчас вечная мерзлота, тундра, миллионы лет назад бродили бесчисленные стада прародителей современных слонов — огромные волосатые мамонты».

— Дома почитаете. Мы вам дадим этот сценарий с собой, — оторвал меня Кац от интересного чтения. — А сейчас скажите: сможете вы завтра подъехать на фирму к десяти часам?

— Подъеду.

— Отлично. Вот адрес, — заключил Кац и записал его на листке крупным размашистым почерком. — Встретитесь там с Дмитрием Ивановичем у проходной.

На следующий день ровно в десять часов мы с Дмитрием Ивановичем уже были в кабинете сравнительно молодого и, как мне показалось, делового директора фирмы, которому я был представлен как опытный сценарист «Леннаучфильма», после чего Дмитрий Иванович отбыл по своим делам, а меня повели в какую-то лабораторию. Там два молодых кандидата наук в костюмах и при галстуках, одетых по случаю приезда к ним киношника, то есть меня, с ходу начали объяснять устройство прибора, ради которого меня к ним и привели. Прибор предназначался для определения гранулометрического состава сыпучих материалов при производстве цемента, керамики, полупроводников и много чего еще, при этом был прост в обращении, в общем, чудо, а не прибор, во что я с радостью поверил, да только не мог понять, как он устроен.

Мои собеседники терпеливо пытались мне это втолковать, писали формулы и чертили схемы, но дело продвигалось медленно. С каждой минутой я понимал все меньше, и часа через два чувствовал себя не лучше Д'Артаньяна со знаменитой иллюстрацией к «Трем мушкетерам», где тот с тоской взирает на Арамиса, ведущего богословскую беседу с какими-то монахами, а внизу подпись: «Д'Артаньян чувствовал, что тупеет».

Один из кандидатов наук, не замечая моего состояния, ткнул указкой в прибор.

— Через это сопло подается аргон-газ, — сообщил он.

— Какой оргазм? — переспросил я и посмотрел на него затуманенным взглядом.

Оба кандидата наук расхохотались минут на пять, после чего дело пошло веселей, и к концу рабочего дня я все-таки сумел отметить в своем блокноте все, чем примечателен этот замечательный прибор. А вечером мне позвонил Кац и спросил:

— Скажите, когда они сказали, подается аргон-газ, вам действительно послышалось слово «оргазм», или вы пошутили?

— Конечно, пошутил, — удивился я вопросу.

— Ну, вы и произвели впечатление, — засмеялся Кац. — Они потом долго восхищались: «Во киношник сказал!»

Однако в сценарии, должны были фигурировать еще и цеха, где изготавливались комплектующие узлы для прибора, и не все на фирме были готовы восхищаться моими репликами — кое-где меня встречали с откровенной враждебностью, мол, ходят тут всякие, глупые вопросы задают, от работы отвлекают. А начальник одного из цехов заявил:

— Зачем снимать фильм, когда я про этот прибор уже давно все снял.

Позже я не поленился и спросил у сопровождавшего меня инженера:

— Он действительно снял нужный вам фильм? Зачем же тогда нас позвали?

— Действительно снял что-то дрожащими руками и вообразил, что получился шедевр, — засмеялся сопровождающий. — Не обращайтесь внимания на его слова.

Через неделю сценарий был написан, и я поехал на встречу с Кацем и Дмитрием Ивановичем не без опаски услышать что-нибудь вроде: «Нет, милейший, так сценарии не пишут!» Но все прошло замечательно. Первым мой от руки написанный сценарий прочел Кац и протянул его Дмитрию Ивановичу со словами, которые ну очень пришили мне по душе.

— Дима! Ты посмотри, какая работа!

Дмитрий Иванович быстро просмотрел сценарий и сделал неожиданное заключение:

— Слушай, Эдик! А давай мы попросим его написать сценарий для Карбюраторного завода.

— Давай попросим, — согласился Кац и обернулся ко мне: — Вы не против?

Я был не против, хотя понятия не имел, что такое карбюратор, поскольку никогда не интересовался автомобилями, и на следующее утро оказался на Карбюраторном заводе. Там, несмотря на солидный производственный опыт, я впервые увидел, как льется расплавленный металл, и остолбенел: красиво и страшно. Впрочем, красивых производственных пейзажей, словно специально предназначенных для съемки, на этом заводе оказалось немало. Особенно в одном из цехов меня впечатлила шеренга полуавтоматов, похожих на марсианских роботов, выплевывавших золотистого цвета детали с загадочным названием «жиклеры». Мне объяснили, что название это происходит от французского *gicler* — брызнуть и что детали эти предназначены для дозирования подачи топлива, но я понятия не имел, зачем его вообще нужно дозировать, однако записал в своем блокноте: «Жиклер — сердце карбюратора».

Через две недели согласованный с руководством завода сценарий я представил Кацу и Дмитрию Ивановичу. Они его одобрили, и я размечтался о новом представитель-

ском фильме, потому что работа тут строилась по нормальному житейскому принципу: сделал — получил. Но Дмитрий Иванович сделал неожиданное предложение. Он попросил написать сценарий ролика для знаменитейшей в те времена южноафриканской фирмы «Invite», наводнившей страну пакетиками с сухими соками. Тогда по ТВ с утра до поздней ночи демонстрировались многочисленные ролики, в которых греческие богини, индийские жрецы, знаменитые артисты и восторженно раскрывавшие пасть гиппопотамы прославляли волшебные свойства сухих соков мантрой: «Просто добавь воды!» Я понимал, что сочиняя ролики для фирмы с мировым именем, вступаю в конкурентную борьбу с легионами более удачливых и талантливых соперников, но все же минимальная надежда на успех была, и она оправдалась. Неожиданно представительство этой фирмы в России понравился мой вариант, где царь Салтан вопрошал корабельщиков, приехавших из-за моря:

— Ой, вы, гости-господа,
 Долго ль ездили? Куда?
 Ладно ль за морем иль худо?
 И какое в свете чудо?
 Корабельщики в ответ:
 — Мы объехали весь свет;
 За морем житье не худо.
 — А какое в мире чудо?
 — Из заоблачной дали
 Сок сухой мы привезли.
 — Сок? Сухой? Да быть не может!
 — Ты его попробуй все же, —

настаивали корабельщики. Они в огромную чашу сыпали порошок и разводили его водой. Салтан опустошал чашу и восклицал:

— Класс! — а следом звучал голос: «Только добавь воды!»

Сейчас сухие соки «Invite», слава богу, не продают. Они оказались вредными и даже опасными для здоровья, но тогда я этого не знал и очень обрадовался ста долларам, заработанным на вредоносной продукции. Впечатленный моим успехом Дмитрий Иванович тут же предложил написать пять вариантов сценария ролика для фирмы «Эллада», у которой, как там говорили, самая мягкая мебель. В тот же вечер я сочинил вариант сценария, где рассерженный Зевс выбивал посохом из скалы молнии, а встревоженный Эрос спрашивал у Аполлона:

— Когда это кончится?

— Наверно, никогда. Трон стал для громовержца жесток, — отвечал тот.

Но являлся посланник и объявлял:

— По спецзаказу! Мягкая мебель от фирмы «Эллада» по западной технологии и российским ценам, обтянутая натуральной кожей из Австрии и Финляндии.

Буря стихала, боги удобно рассаживались в мягких креслах, и голос за кадром возвещал:

— С мягкой мебелью фирмы «Эллада» вы будете чувствовать себя как олимпийские боги.

На следующий день я сочинил еще четыре тридцатисекундных сценария и отослал их Дмитрию Ивановичу, а через неделю, к моему изумлению, он сообщил, что мебельщики утвердили вариант про олимпийцев, видимо, из-за корреляции с названием фирмы. Я был в полнейшей эйфории — два сценария подряд были реализованы,

а, как говорил знаменитый некогда бард Юрий Кукин, две песни на одну тему — это уже цикл! Поэтому когда Дмитрий Иванович предложил мне написать сценарии видеороликов еще для трех фирм, я с радостью согласился. Одна из фирм называлась «Ньютон» и торговала, по их словам, самыми качественными в стране аудио- и видеосистемами. Там утвердили сценарий, который я назвал «Золотой сон». Действие его разворачивалось на театральной репетиции. Актер читал:

Господа! Если к правде святой
Мир дороги найти не умеет —
Честь безумцу, который навеет
Человечеству сон золотой!

— Стоп! — прерывал его режиссер. — Ты сам-то понимаешь, кто способен навеять золотой сон?

— Конечно, понимаю, — отвечал актер.

— И кто же?

— Ньютон.

— Исаак Ньютон? — удивлялся режиссер.

— Я говорю о фирме «Ньютон», — невозмутимо объяснял актер. — Ее аудио- и видеоаппаратура навеет любой сон на выбор, в том числе и золотой.

Другому заказчику, называвшему себя фирмой «Х», потребовался ролик, убеждавший рекламодателей размещать рекламу на их фирменных плазменных экранах. Они выбрали вариант сценария, в котором ребенок спрашивал:

— Папа, правда, что вечный двигатель нельзя построить?

— Правда, — отвечал отец, — но твой дедушка построил.

— И где же этот двигатель?

— На свалке. Никто не поверил, что он вечный. Вот если бы тогда существовала фирма «Х», ему бы поверили все.

А еще я сочинил для этой фирмы стихи:

Ах, господа! Ах, дамы!
Как смотрится реклама
На плазменном экране —
Ну, просто экстра-класс!
Ах, господа, ах дамы,
Несите нам рекламу,
И целый мир узнает
О вас! О вас! О вас!

Третьей фирме потребовался видеоролик про подсолнечное масло под названием «Солнышко». Там утвердили сценарий, где Маяковский жарил оладьи и читал стихи:

Светить всегда! Светить везде
До дней последних донышка.
Светить, и никаких гвоздей —
Вот лозунг мой и «Солнышка»!

На этом мое везение закончилось. Мои сценарии получали одобрение фирмачей, но не реализовывались. А среди них были забавные, как, например, написанный для популярной в то время фирмы «Искрасофт». В нем нетрезвый гармонист пел:

Я в гостях у милки был,
 Что там делал — позабыл,
 Но не могу забыть я
 Ковровые покрытия!

В конце песенки он полз по полу, а закадровый голос комментировал: «Рекламные покрытия фирмы „Искрасофт“ забыть нельзя». Сценарий этот очень развеселил Дмитрия Ивановича, но, увы, его одного. С заказчиками моих сценариев постоянно что-то случалось: одни неожиданно банкротились, другие переориентировались, третьи исчезали, не оставив следов, так сказать, растворялись в воздухе. А самые подлые из них на основе моих сценариев где-то изготавливали рекламные ролики, и, увидев их в телевизоре, я восклицал: «Вот сволочи!», но доказать, что сценарий мой, было невозможно, ведь работал я без договора. Я долго не понимал, насколько видеоролики ненадежный хлеб, но когда число моих нереализованных сценариев приблизилось к ста, я объявил по телефону Дмитрию Ивановичу, что без аванса ни за один сценарий больше не возьмусь. В ответ он попросил приехать к нему, есть серьезный разговор.

«Приглашает — значит хочет что-то предложить. Может, пошлет меня с Кацем в Южную Африку, где тот собрался снимать натуру для фирмы „Invite“, или еще куда», — размечтался я. Дмитрий Иванович встретил меня приветливо, предложил стакан чая с плюшкой, но речь его меня не обрадовала.

— Платить аванс за работу, когда у нас самих нет договора, мы не можем, а заказчик заключает с нами договор, только если ему подходит сценарий, — начал он беседу. — Но не расстраивайтесь. Ваши сценарии не пропадут. Мы непременно предложим их другим фирмам. А пока есть подходящий бизнес.

— Какой? — насторожился я, почему-то ожидая услышать сногшибательное предложение.

— Этот бизнес является основой рыночной экономики, точнее, одной из его основ. Купите любую рекламную газету и начинайте не торопясь обзванивать фирмы, разместившие на ее страницах объявления. Предлагайте всем изготовление рекламного видеоролика, и если повезет — десять процентов от стоимости ролика ваши. Плюс гонорар за сценарий, который вы сами и напишете. В сумме это составит долларов триста-четырееста и даже больше. Неплохие деньги по нынешним временам.

Дмитрий Иванович посмотрел на меня взглядом благодетеля, только что открывшего легкий способ заработать сколько угодно долларов.

— То есть вы предлагаете мне стать рекламным агентом? — возмутился я. — Спасибо большое. Они и без меня всех достали. Пристают на улице, звонят по телефону, зазывают в супермаркеты, стриптиз-клубы или еще куда и выглядят при этом весьма жалко.

— Человек, который пытается заработать для себя и своей семьи, выглядит цельным и целеустремленным, — наставительно произнес Дмитрий Иванович. — К тому же вы будете предлагать не «Сникерсы» и билеты в стриптиз-клуб, а продукт высокоинтеллектуального труда — видеофильмы по вашим собственным сценариям, то есть самого высокого качества, и стесняться тут нечего. Я вам дам ценники стоимости изготовления роликов, а также размещения их на телевизионных каналах, и вперед! Вот эти ценники, специально приготовил к вашему приходу — берите и считайте, что готовы к новой деятельности. Один совет — делать рекламное предложение надо мягко, без нажима. Клиент должен понять, что своим предложением вы оказываете ему честь, потому что лучшие силы нашей киноиндустрии готовы потратить талант и дефицитное время на создание шедевра, посвященного его никому не известной фирме.

И еще — контакт устанавливается легче с клиентами противоположного пола, но это как Бог распорядится.

Слоган — это...

Он всучил мне ценники, и я поехал домой, размышляя по дороге, а не выбросить ли их в ближайшую мусорную урну. Но дома, взглянув в печальные глаза жены, озабоченной, чем завтра кормить ребенка, смирил гордыню и стал разглядывать объявления в бывшем органе Ленинградского обкома ВЛКСМ — газете «Смена», случайно оказавшейся на моем письменном столе. Первое объявление, которое я прочел, гласило, что фирма с названием «Умные унитазы» готова осчастливить всех ценителей прекрасного японскими унитазами, которые помимо основных функций с минимальной погрешностью выполняют анализ мочи на содержание сахара, анализируют рацион пользователя и дают ему необходимые рекомендации. Кроме того, японские умные унитазы поставляются с пятью вариантами сопровождения на выбор: птичье пение, джазовая музыка для релаксации, классика, шум водопада и звуки чуда народного искусства — традиционной японской арфы. «Вот это да! Про такие унитазы надо слагать оды, а не рекламный ролик снимать», — подумал я и потянулся к телефону, но он вдруг сам зазвонил.

— Привет, — раздался голос Лены Дубровицкой. — Я слышала, ты успешно сотрудничаешь с Кацем, тьму роликов для него написал. А у меня просьба. Придумай слоган для фирмы, изготавливающей мягкую мебель. Мы им уже сто вариантов предложили, и ни один не нравится. Вот я и подумала: может, у тебя получится? Тем более Кац тебя хвалит.

— Слоган? Что это такое? — перебил я ее, потому что слышал слово впервые.

— Занимаешься рекламой и не знаешь, что такое слоган? — удивилась Лена.

— Несколько сценариев для видеороликов — это не значит, занимаюсь рекламой, — стал оправдываться я.

— Слоган — это ключевая рекламная фраза, — объяснила Лена. — По телевизору каждый день звучит: «Сделано с умом», «Изменим мир к лучшему» и тому подобное. Напиши шесть вариантов подобной фразы про мебель, и если заказчику какой-нибудь из них подойдет, получишь сто долларов, как за сценарий рекламного видеоролика.

— Сто долларов за одну фразу? — удивился я.

— За рубежом ты получил бы во много раз больше, но у нас такая такса.

— Отличная такса! Да за такие деньги я придумаю десять вариантов! Нет, двадцать. Двадцать пять, если заплатите! — обрадовался я.

— Ни десять, ни двадцать, ни тем более двадцать пять не надо, — остановила меня Лена. — Наукой установлено, что оптимальное число вариантов даже не для слишком тупого заказчика — шесть! Если предложить ему больше, он может устать и ничего не выберет. Не будем спорить с наукой.

— Не будем, — согласился я. — Но вы же показывали заказчику не шесть, а сто вариантов.

— Сто два, — уточнила Лена. — То есть мы приносили ему по шесть вариантов семнадцать раз — знали бы, не связывались. Но не в наших правилах возвращать аванс — надо как-то закончить с этой проклятой фирмой «Эллада», чтобы больше никогда ее не видеть.

— Как ты сказала, называется фирма? — перебил я ее.

— «Эллада», — повторила Лена, — а что?

— Я писал для этой фирмы сценарий видеоролика, как Зевс подобрел, усевшись на их мягкий трон. Может, ты видела его по телевизору?

— Кто ж его не видел. Так это твой ролик? — удивилась Лена.

— Мой, — подтвердил я.

— Зашибись! Это же здорово!

— Чего здорового-то?

— Не понимаешь? Ты для них знакомый автор, и это повышает твои шансы.

— Да там никто меня и не видел. Сценарий им представлял Дмитрий Иванович.

— Неважно. Я им напому, кто автор ролика, и поверь — работу у проверенных в деле авторов всегда принимают охотней. Сочини что-нибудь талантливое, это ведь для тебя нетрудно.

— Совсем нетрудно, — согласился я.

— Молодец! Верить в себя, — не заметила иронии Лена. — И если попадешь в яблочко, гонорар на крыльях успеха я лично доставлю тебе домой. Договорились?

— Сделаю, что могу, — пообещал я.

Конечно, сто два отвергнутых варианта не внушали оптимизма, но как говорил Шекспир: «Из ничего и выйдет ничего», и, вдохновленный мечтой о ста долларах, которых так не хватало семейному бюджету, я к следующему вечеру придумал шесть рекламных фраз на заданную тему и продиктовал их Лене по телефону. А через неделю она позвонила, и голос ее звучал победно.

— Представляешь, то ничего не хотели брать, а тут этим привередам понравились аж целых три твоих варианта. Во-первых, «Сидеть — удовольствие, лежать — наслаждение». Вариант немного двусмысленный, но их дело — главное, взяли. Второй вариант: «Вставать не захочется». И третий, который им понравился больше всего, кстати, и мне тоже, это:

Мир прекрасен, если —
Вы в нашем мягком кресле!

Мне к тебе ехать некогда. Заслуженные тобой сто долларов тебе торжественно вручит начальница нашего агентства Марина. Записывай адрес и приезжай, только позвони предварительно, а то она постоянно в разъездах.

— Слушай, они точно взяли три слогана, а не один? — переспросил я.

— Да, три, — подтвердила Лена.

— Значит, и платить должны в три раза больше, — попробовал я качать права, хотя в той моей ситуации и сто долларов явились большой удачей.

Лену такой подход не удивил.

— У меня тоже возникал этот вопрос, но Марина объяснила, что тебе платят за работу в целом. Ты должен был представить шесть вариантов и представил, а право заказчика взять один вариант или все шесть — это уж как ему заблагорассудится. И радуйся, потому что он мог отвергнуть все твои варианты, как отвергнул сто два варианта до тебя.

— Уже радуюсь, хотя не уверен, что фирмачи и твоя начальница правы.

— Так они теперь хозяева жизни, — усмехнулась на другом конце провода Лена.

В поисках затерянного города

После двойного успеха у мебельщиков Лена порекомендовала меня как удачливого копирайтера (по-моему, мерзкая кличка), то есть человека, пишущего тексты ре-

кламному агентству, располагавшемуся, что меня весьма удивило, в бывшей квартире знаменитого в советские времена композитора Соловьева-Седого. Агентство принадлежало жившему в Стокгольме финну, который руководил им на английском по скайпу, а его заместителем в Питере была двадцатичетырехлетняя и очень красивая выпускница биофака ЛГУ. Ее кабинет располагался в бывшей спальне знаменитого композитора, а бывшая гостиная превратилась в офис, где сидели пять мужиков довольно грозного вида в одинаковых малиновых пиджаках. Впрочем, когда к ним заходила молодая начальница, глаза их делались масляными, и они смотрели на нее с почтением и страхом, поскольку, как мне объяснили позже, стокгольмский финн наделил ее правом безжалостно штрафовать подчиненных за любую провинность. В смежной с офисом комнате за компьютером, которые еще были в диковинку, располагался ее секретарь, парень лет двадцати, тоже в малиновом пиджаке, но, в отличие от грозных соседей, приветливый и доброжелательный. Меня она встретила с холодком, и чтобы произвести впечатление, я мгновенно сотворил экспромт, в котором срифмовал ее имя Анна с небесной манной. В ответ она улыбнулась, но тут же дала понять, что никаких фамильярностей не потерпит.

— Обращайтесь ко мне Анна Юрьевна, как и все, — сухо сказала она и велела мне посидеть в комнате секретаря.

Секретарь любезно предложил мне стул и продолжил разговаривать на английском по скайпу со своим стокгольмским финном, причем заканчивая разговор словом *bye*, тут же начинал другой. На протяжении короткого времени я услышал это *bye* не менее десяти раз и даже понял, что это сокращение от всем известного *good bye*. В комнату вошел парень лет тридцати пяти, скинул дубленку и, кивнув в сторону двери начальницы, спросил:

— Главная у себя?

Секретарь кивнул, не отрываясь от скайпа. Парень скрылся в кабинете начальницы и, выйдя оттуда почти мгновенно, пристально посмотрел на меня.

— Вы наш новый копирайтер?

— Вроде да, — неуверенно ответил я.

— А почему вроде?

— Так ваша начальница не объяснила, зачем я ей понадобился.

— Тогда считайте, она поручила это мне, — объявил парень. — Но сперва познакомимся. Я Алексей, художник.

Он оказался единственным в этой конторе не в малиновом пиджаке и уже этим вызывал симпатию. Мы пожали руки, и он изрек:

— Не буду скрывать — нам предстоит неблагоприятное дело.

— Вы это серьезно? — ужаснулся я.

— И даже очень. Будем травить людей.

— Прямо травить? — совсем перепугался я.

— Такая наша планета, — рассмеялся он. — Не расстраивайтесь. Люди и без нас себя достаточно успешно травят. С нашей помощью они будут травить себя чуть-чуть энергичней. Вы курите?

— Курил до недавнего времени. Болгарские «ТУ-134». Отличные сигареты были. А теперь они сильно подорожали, и табак стал мерзким. Курить невозможно.

— А не пробовали курить «Кэмел»? — спросил он с интригующей улыбкой

— Нет. Когда они у нас появились, я уже завязал.

— Вовремя завязали, — засмеялся он. — От «Кэмел» не отвязались бы. Нет, я сам не курю и никогда не курил, но собираюсь провести рекламную кампанию этих замечательных, по мнению знатоков, сигарет, да так, чтобы их захотели попробовать

даже те, кто никогда в рот сигарету не брал. Успех кампании зависит от вас. Вы должны сочинить пять рассказов, каждый объемом в страничку А4. Тема такая — супермен по имени Кэмел Мэн ищет некий Затерянный город. В начале первого вашего рассказа, находясь в Центральной Африке, он узнает о существовании этого загадочного города, а в конце рассказа полетит на его поиски.

Художник сделал интригующую паузу.

— Куда же он полетит? — поинтересовался я.

— Это ключевой вопрос. Он будет стоять в конце каждого из всех ваших рассказов, кроме последнего. А вот отвечать на него предстоит читателям по подсказкам, которые мы дадим. Это важная составляющая нашей будущей игры с читателями.

— Где они будут читать мои рассказы?

— В газете «Аргументы и факты».

Название произвело впечатление, но вида я не подал, а с лицом человека, только и делающего, что печатающегося в популярных изданиях, спросил деловито:

— Мне вы назовете подсказки?

— Я вам не подсказки, я все города, куда он полетит, назову. Но имейте в виду — это тайна, пока ее не раскроют читатели. Вы умеете хранить тайны?

— Поверьте, в этой груди сокрыто столько тайн.

— Отлично, — обрадовался он. — Только я еще не решил окончательно, куда и в каком порядке полетит наш герой. Да и неважно это для написания первого рассказа. Главное, что полетит, а куда — определимся перед тем, как вы приступите ко второму рассказу. Кстати, когда мы можем получить первый рассказ?

Я посмотрел на секретаря, который окончательно закончил разговор со своим шведским финном и со скоростью современного пулемета строчил что-то на своем компьютере.

— Скажите, может ваш секретарь писать под диктовку?

— Разумеется. А почему вы спрашиваете? — насторожился художник.

— Я готов продиктовать первый опус.

— Вы действительно можете с ходу что-то сочинить? — удивился он. — Мне казалось, что сочинитель перед тем, как начать работу, ходит для разогрева мозгов по улице или по комнате, а садится за письменный стол, только когда у него что-то в голове уже вырисовалось.

— Это кто как. Я читал, что Фейхтвангер целую «Испанскую балладу» надиктовал стенографистке. Рано утром вставал и сразу начинал диктовать.

— А вы, значит, как он? — усмехнулся художник.

Я скромно промолчал. Художник недоверчиво посмотрел на меня и, поколебавшись, повернулся к секретарю:

— Вася, отложи все, займемся диктантом.

Вася послушно отложил какие-то бумаги, и вот что я надиктовал:

Известный на весь мир искатель приключений Camel Man заканчивал очередное путешествие по Центральной Африке и собирался ехать в Европу, где его давно ожидали друзья. Желая чем-нибудь их порадовать, он зашел в антикварную лавку в Марракеше. Его взгляд остановился на статуэтке, стоявшей в темном углу, и хозяин лавки тут же заявил, что она сделана из чистого золота и досталась ему от отца, а тому от деда, а деду от прадеда, который утверждал, что фигурка эта сделана в Затерянном городе.

— Я слышал немало легенд о городах, которые пропали под водой, в песках пустынь или заросли лесами, — улыбнулся Camel Man. — На поиски их было отправлено множество экспедиций, и все они закончились ничем. Сказать почему? Никаких затерянных городов нет в этом мире.

— Про другие города не скажу, но Затерянный город, где побывал мой прадед, существует, и статуэтка тому доказательство, — перешел на колдовской шепот хозяин. — Вы знаток, раз заинтересовались ею. Скажите, в каком стиле она выполнена? Не можете ответить? И не ответите, потому что это стиль Затерянного города. В том городе все люди счастливы, и там исполняются любые желания. Тот, кто посетит его, приобщится к таинству высшего знания. Но попасть в тот город может только человек с чистыми помыслами и сильный духом.

Camel Man вышел из лавки со статуэткой в руках. Ему запали в душу слова, что попасть в Затерянный город может только человек, сильный духом, и именно таким считал себя Camel Man. Впрочем, почему бы это не проверить еще раз? И через несколько часов Camel Man уже летел в самолете, но совсем не в Европу.

Секретарь распечатал мой текст и отдал его художнику. Тот просмотрел его и, не сказав ни слова, с текстом в руках исчез в кабинете своей начальницы, а через пять минут они вышли оттуда вместе. Она посмотрела на меня сурово и несколько удивленно.

— Нас подпирают сроки, но такой спешки нам не надо. У вас будет три, нет, четыре дня на каждый рассказ. По-моему, достаточно, чтобы написать хорошо. Согласны? Вот и отлично. Жду вас через четыре дня с новым рассказом.

Она исчезла в своем кабинете, а я с недоумением посмотрел на художника:

— Что-то я не понял — принят мой опус или нет?

— Вас же не просят переписать первый рассказ. Просто Главная опасается, что спешка скажется на качестве вашей дальнейшей работы, — объяснил он слова начальницы. — Но чтобы написать второй рассказ, нам с вами надо решать, куда из Марракеша полетит наш супермен.

— У вас вроде были мысли по этому поводу.

— Да, — согласился художник. — Я думаю, для начала ему стоит слетать в Дубай.

— Почему туда?

— Видите ли, те, кто там побывал, взахлеб рассказывают об его архитектуре и богатстве. А всего в ста километрах находится то, что осталось от одного из величайших Затерянных городов мира — легенды Аравии — средневекового Джульфара, родине Синдбада-морехода. Вот вы написали, что Кэмел Мэн слышал немало о городах, которые пропали под водой, в песках пустынь или заросли лесами. Простите, а сами вы много знаете о Затерянных городах?

— Почти ничего, — честно признался я. — Только, что их веками ищут и редко находят.

— Правильно. Большинство из них — легенды. Мифы! — согласился художник. — А Джульфар действительно процветал на протяжении тысячи лет, пока не превратился в руины и не исчез из человеческой памяти на два столетия. Археологи обнаружили его сравнительно недавно, в шестидесятых годах двадцатого века, но, по всей вероятности, большая часть Джульфара по-прежнему остается под песками, как и другие забытые аравийские города.

— Значит, Кэмел Мэн будет вести археологические раскопки?

— Это вы в своем втором рассказе поведаете нам, а заодно читателям газеты «Аргументы и факты», чем будет заниматься Кэмел Мэн в Аравийской пустыне, — жестко ответил художник, но тут же смягчился: — Ясно одно — родину статуэтки, купленной в Марракеше, он там не найдет и отправится на новые поиски.

— Куда?

— Сейчас определимся.

Он достал из шкафа большую географическую карту мира, развернул ее и, немного подумав, ткнул пальцем в беленькую точку, рядом с которой была надпись «Риоде-Жанейро».

— Я думаю, нашему герою следует лететь в нынешнюю столицу Бразилии, а отсюда вот сюда, в город Манаус. Все, кто хотят побывать в джунглях Амазонки, начинают путь в Манаусе.

— А наш герой хочет именно в эти джунгли?

— Именно в эти, и это будет темой вашего третьего рассказа, — уверенно ответил художник. — Кэмел Мэн, помимо прочих достоинств, очень начитан и знает о судьбе известного исследователя Перси Фосетта. В апреле 1925 года на спонсорские деньги тот отправился в джунгли Амазонки на поиски Затерянного города, слухи о котором ходили с тех пор, как европейцы впервые прибыли в Новый Свет. Фосетт называл его город Z. Из экспедиции он не вернулся, а спасатели не нашли следов ни его, ни его команды. Я думаю, их всех съели.

— Не может такого быть, чтобы в двадцатом веке людей ели, — не поверил я.

— Не верите? Ну и не верьте! А только недавно в джунглях Бразилии съемочную группу CNN съели — об этом все газеты писали. А до того съели в Полинезии немецкого туриста, а в Новой Гвинее аж сына самого Рокфеллера съели. Говорят, все, кого съели, игнорировали указания инструкторов, хотя сын Рокфеллера вроде как раз инструктором и был.

— То есть нашего супермена могут съесть в третьем рассказе? — разволновался я. — Кто тогда будет искать Затерянный город в четвертом и в пятом рассказах?

— А его не съедят. Более того, уйдя от каннибалов невредимым, он может в джунглях наткнуться на высокоморальных индейцев и порасспрашивать их о Затерянном городе, который искал Фосетт. Нашел же моральных индейцев Миклухо-Маклай в Новой Гвинее, так почему бы Кэмелу Мэну не найти их в Амазонии?

Пока он все это рассказывал, подошел к концу рабочий день. Мужики в малиновых пиджаках стали по очереди покидать офис, ушел секретарь, а вскоре за начальницей на крутом авто подъехал высокий плечистый парень лет тридцати пяти в шикарной дубленке и без головного убора, несмотря на холод на улице, и она засобиралась домой. Кем ей приходился этот парень — мужем, любовником или родственником, я так и не узнал, но смотрела она на него не строго и чуть презрительно, как на своих подчиненных и на меня, а совсем даже наоборот, почти с нежностью. «Пижон, — подумал я, взглянув на него. — Интересно, чем он занимается? И вообще, кем надо быть, чтобы завоевать такую девушку? Наверно, минимум олигархом или сыном олигарха». Между тем художник тоже засобирился домой, спрятал географическую карту обратно в ящик стола и почему-то закрыл его на ключ, словно боялся, что ее, такую ценность, украдут.

— А как же наш Кэмел Мэн? — жалобно воскликнул я. — Вы остановились на интересном месте. Может, ненадолго задержимся и определимся, куда он дальше поедет или полетит после очередного разочарования?

— Задержаться ненадолго не получится, — ответил он и встал из-за стола, за которым мы беседовали. — К тому же на два рассказа я уже наговорил. Продолжим разговор, когда вы их нам принесете.

Это прозвучало как «вначале докажите, что способны эти рассказы написать», и это после того, как вводный рассказик я сочинил с ходу. Настроение у меня испортилось, и он это заметил.

— Извините, — произнес он, надевая дубленку, которая показалась мне намного скромнее, чем у кавалера его начальницы. — Мне действительно надо спешить, ребенок у меня маленький, жена просила не задерживаться и купить молока по дороге.

Я тоже надел свое прохудившееся пальтишко, и когда мы вместе вышли на улицу, он неожиданно разоткровенничался — сказал, что шведский финн платит своим работникам по нынешним временам хорошо, даже уборщица ходит довольная, и назвал

такие цифры, что я мысленно ахнул — никто из моих знакомых о таких гонорарах не слышал. На ближайшем углу мы разошлись в разные стороны, а ровно через неделю, сговорившись предварительно по телефону, я принес в агентство два рассказа. Он прочитал один, задумался, потом прочитал другой, опять задумался. Процесс затянулся настолько, что я подумал, а не лучше ли свалить, пока меня с позором не отправили восвояси. Но он отложил мои рассказы на край стола и достал очень красивый макет их будущей рекламной публикации в «Аргументах и фактах», выполненный на четырех листах глянцевого бумаги. На первом листе было написано крупными буквами «Camel. Золотое путешествие. В поисках затерянного города», а ниже фото киногероя многочисленных рекламных роликов сигарет «Кэмел». В этих роликах Кэмел Мэн, всегда волк-одиночка, преодолевал немыслимые препятствия и неизменно всегда и везде побеждал. (Потом, я где-то прочитал, что судьба актера, изображавшего Кэмела Мэна, сложилась ужасно: он умер от рака легких из-за чрезмерного курения.) Рядом с фото Кэмела Мэна были изображены две пачки сигарет «Кэмел», одна из которых была открыта, и несколько сигарет высовывались, словно вопрошая: «Неужели вам не хочется вытащить одну из нас и закурить?» Вторую и третью страницы занимал коллаж, состоявший из географической карты мира, тех же двух пачек «Кэмел» и двух абзацев из моего вступительного рассказа. А под коллажем были изложены правила игры с читателем: «Наше путешествие будет продолжаться в течение 5 недель. В это время в каждом выпуске газеты „Аргументы и факты“ Вы сможете прочитать очередную главу истории о Золотом путешествии в поисках Затерянного города и найти подсказку, которая поможет Вам ответить на вопрос. И Вас ждет Золотое путешествие: туристический ваучер для двоих стоимостью 5000 долларов США и 20 000 долларов США на банковской расчетной карте!» На четвертой странице макета читатель мог найти окончание моего вступительного рассказа и карту мира, на которой пунктиром был обозначен путь от Марракеша до Дубая и вопрос: «Куда направился Кэмел Мэн?», а также комментарий к нему: «Подсказку можно найти на карте. Испытайте свою удачу!» На этой же странице присутствовал призыв организаторов проекта отсылать ответы по указанному ниже адресу, не забывая приложить двух верблюдов из пачек сигарет «Camel».

Художник написал на первой странице макета дарственную надпись «С почином» и спросил, не соглашусь ли я поучаствовать в следующем проекте, если им снова потребуется копирайтер. Названные им в прошлый раз цифры жалований в агентстве произвели незабываемое впечатление, и я тут же ответил, что не только не против, а буду счастлив, так как на своей работе не получаю зарплату уже несколько месяцев, и заинтересовался, что за проект.

— Не буду скрывать, — произнес он со знакомой ернической интонацией. — Опять будем травить людей.

— Снова сигареты, только другая марка? — попробовал угадать я.

— Алкоголь. Но об этом рано думать. Надо этот проект довести.

Он разложил на столе знакомую мне географическую карту и спросил:

— Скажите, что вы знаете про Эльдorado? Только не говорите, что это сеть магазинов электроники.

— А больше мне особенно и сказать нечего, — засмутился я. — Знаю только, что Эльдorado в переносном смысле означает страна богатств, сказочных чудес.

— Многие и этого не знают, — похвалил меня художник. — А откуда взялось это слово, спрашивать бесполезно?

— Абсолютно.

— Существует легенда, которая восходит к первой половине второго тысячелетия, — заговорил он, как лектор по распространению. — Каждого нового царя древнего индейского народа чибча-муиски, проживавшего в центральной части современной Ко-

лумбии, приводили к священному озеру Гуатавита и нагого покрывали золотой пылью, после чего называли «el dorado», что в переводе с испанского означает тот, кто позолочен. Затем царь смывал с тела золотую пыль, а свита бросала куски золота и драгоценные камни в озеро — это был ритуал принесения жертвы их богу.

— Это и были сокровища Эльдорадо? — догадался я.

— Почему были? Они есть! — сказал он почему-то с чувством. — Первыми их начали искать конкистадоры в шестнадцатом веке. Они нашли золотые изделия на берегу древнего озера и попытались его осушить, но не добрались до дна. Два десятилетия спустя купец из Лимы тоже совершил несколько попыток полностью осушить озеро, и каждый раз случались катастрофы, гибли рабочие. Но он не оставлял усилий, пока не заболел желтой лихорадкой и не умер. В последующие века совершалось множество попыток завладеть сокровищами Гуатавита, но над ними будто нависло проклятие: всякий раз, когда очередной кладоискатель подбирался к ним близко, его ожидала катастрофа. Тем не менее ажиотаж вокруг озера Гуатавита не стихал, пока не лопнуло терпение правительства Колумбии, и в 1965 году водоем объявили национальным, культурным и историческим заповедником.

— Но Кэмел Мэн все-таки отправится к этому волшебному озеру? — догадался я.

— Именно туда, — подтвердил художник.

— Как он туда доберется?

— Это несложно, — сказал художник. — Не найдя Затерянного города в Аравии и Амазонии, он купит билет до Боготы, если не знаете, это столица Колумбии, а затем сорок минут на машине, и он в центре мифической страны. Но сокровища наш герой, разумеется, искать не будет. Дело в том, что потомки Эльдорадо — непревзойденные мастера по золоту. Наш герой покажет им свою статуэтку, и мастера скажут, что она выполнена не в их традиции и ему следует отправиться в Ацтлан.

— Впервые слышу о таком городе, — признался я.

— Неудивительно, потому что такого города нет. Считается, что он пропал вместе с островом, на котором был расположен. Существует гипотеза, что именно жители Ацтлана стали известны миру как ацтеки, создавшие великую цивилизацию и мигрировавшие в двенадцатом веке на юг в долину Мехико. Пока все экспедиции по поиску Ацтлана, которых было немало, закончились неудачей, и скептики посчитали гипотезу об Ацтлане мифом, подобным Атлантиде или Камелоту. Однако искатели древней родины ацтеков не переводятся до сих пор.

— То есть потомки мифического Эльдорадо советуют нашему герою отправиться в город, которого нет? — усмехнулся я.

— Именно туда, и это станет темой вашего пятого рассказа, — очень серьезно ответил художник. — Маршрут такой: наш герой полетит в город Тепик, столицу мексиканского штата Наярит, который включил в свой герб графический символ Ацтлана с девизом: «Наярит, колыбель мексиканцев». А найдет ли там Кэмел Мэн Затерянный город или нет, решать вам, но учтите: в Мексике его поиски закончатся, потому что договор с газетой «Аргументы и факты» предусматривает пять наших приложений, и не больше, а поездка в Мексику как раз составит содержание вашего пятого рассказа. Хотите или не хотите, а из Мексики он отправится в Европу, куда собирался лететь из Марракеша еще в первом вашем рассказе.

— А в Европе, разумеется, Затерянных городов нет, и продолжить историю я все равно не смог бы.

— А вот представьте, есть, — не согласился художник. — Могу рассказать об английском Лайонессе, родине главного героя истории о Тристане и Изольде. Этот город затопило море, и он исчез вместе с населявшими его людьми. По мнению одних ученых, это произошло в конце одиннадцатого века, а некоторые говорят о шестом веке,

при этом рыбаки с близлежащих к пропавшему городу островов рассказывают, что доставали из своих рыболовных сетей куски старинных зданий и других сооружений. Им никто не верит, но поиски города-призрака продолжаются. Впрочем, вы правы: Кэмел Мэн искать его не будет.

— Вы столько знаете! — не сдерживал я восхищенного удивления.

— Да мало я знаю, — засмеялся художник. — Просто я специально готовился к встрече с вами. Надо же было куда-то отправлять нашего героя.

Он аккуратно сложил карту и спрятал ее в стол, а я поехал домой.

Через неделю два последних рассказа о Золотом путешествии Кэмела Мэна были готовы. В четвертом рассказе, оказавшись в Колумбии, он чуть не погиб от рук нелегальных искателей сокровищ. К счастью, главарь захватившей его группы оказался большим любителем сигарет «Кэмел» и знатоком всего, что касается золота. В ходе ночной беседы он рассказал Кэмелу Мэну, что, согласно современным оценкам, озеро Гуатавита содержит золота на 300 миллионов долларов, но тайные тропы, ведущие к нему, знает только мистическая хозяйка Гуатавита, которая готова указать их лишь избранным, но относится к ним Кэмел Мэн или нет, значения не имеет. При любой попытке приблизиться к сокровищам озера его убьют, а главное, его Затерянный город находится не в Колумбии. И главарь банды сказал, где он видел точную копию статуэтки из Марракеша. Той же ночью он помог Кэмелу Мэну сбежать из лагеря искателей сокровищ, и уже на следующий день Кэмел Мэн отправился в аэропорт, чтобы лететь в город, назвать который с помощью подсказки должны были читатели газеты «Аргументы и факты», желавшие совершить Золотое путешествие.

В пятом заключительном рассказе Кэмел Мэн оказался в Мексике, где из столицы штата Нааярит он добрался до живописного островного городка Мескальтитан, находившегося, по мнению ряда археологов, на месте легендарного Ацтлана. Городок располагался в живописной лагуне, и его окружали многочисленные каналы, образованные мангровыми зарослями. Кэмелу Мэну повезло: он попал на праздник по случаю начала сезона ловли креветок, в честь которого горожане и жители близлежащих сел проводили большую регату кораблей, украшенных изображениями святых Петра и Павла, и наряжались в костюмы из шкур ягуаров, а также, продолжая традиции своих предков, украшали свои прически яркими перьями. А на следующий день он зашел в антикварную лавку на одной из центральных улиц города, и ее хозяин, осмотрев статуэтку, купленную в Марракеше, признал, что она сделана местным умельцем, правда, в незапамятные времена. Более того, Кэмелу Мэну была показана точно такая же статуэтка. Получалось, он нашел город, который искал. Но действительно ли в этом городе все люди счастливы, любые их желания исполняются, а тот, кто посетит его, приобщится к таинству высшего знания? Кэмел Мэн быстро уверился, что в городе совсем не было преступности, почти отсутствовали туристы и сопутствующие им безобразия, а жители Мескальтитана были добры и казались вполне счастливыми. Что до высшего знания, как показалось Кэмелу Мэну, пришло и оно. Он сформулировал его для себя так: чтобы чувствовать себя счастливым, необязательно уезжать на край света. Достаточно, сидя на своем диване или в гостях у близких друзей, наслаждаться прекрасными сигаретами «Кэмел». Осознав это, он отправился в аэропорт, чтобы полететь в Европу, где его давно ожидали друзья.

На этом была поставлена последняя точка в истории о поисках Затерянного города блистательным Кэмелом Мэном, и в назначенный срок я отвез в агентство два последних рассказа и отдал художнику. Он их прочитал, задумался и вдруг расхохотался.

— А вы знаете, как переводится на русский название вашего города счастья? — отсмеявшись, спросил он.

— Нет, — ответил я виновато.

— На языке ацтеков Mexcaltitan означает остров, изобилующий мескалем, то есть крепким алкогольным напитком.

— Кошмар! Значит, теперь придется искать другой город счастья? — испугался я.

— Совсем нет, — успокоил меня художник. — Немного алкоголя для счастья не помеха.

Он достал из ящика стола два комплекта газеты «Аргументы и факты» за разные числа.

— Поглядите пока, а я на несколько минут к Главной.

Художник ушел, а я стал рассматривать газеты, и на четырех последних страницах обоих комплектов увидел копии макета, который он мне недавно показывал. В одном был напечатан мой вступительный рассказ о Золотом путешествии, а в другом его продолжение. Качество бумаги у газеты по сравнению с макетом было хуже, и потому все коллажи, посвященные Золотому путешествию, выглядели менее эффектно. Но все равно приятно было увидеть свои опусы в популярной газете. Через пять минут художник вернулся и, улыбаясь, вручил мне конверт со словами:

— Поздравляю, вот ваш гонорар. Желая, чтоб и дальше так.

Он протянул руку для прощания, и тут я не удержался, спросил:

— А как насчет травить людей алкоголем?

— Эта тема в стадии проработки. Через неделю мы вам позвоним. Ждите, так сказать, находитесь в готовности, — излучая оптимизм, заверил он меня, и я ушел окрыленный. Еще бы, получил не только гонорар, но и надежду на новую, пусть разовую, зато денежную работу.

Подъезжая на трамвае к дому, я вдруг увидел, что в него вошла моя жена.

— Привет! Как раз собирался тебе отдать, — сказал я и вручил ей полученный от художника конверт.

Она приоткрыла его и торопливо засунула в сумочку, с опаской огляделась вокруг: времена были непростые, криминал активно проявлял себя на улицах. Я сам за день до этого видел, как высоченный бугай сорвал с пожилой женщины зимнюю шапку и бросился наутек. А тут деньги в конверте, да немаленькие по тем временам. Но у жены возникли и другие опасения.

— Ты время от времени приносишь какие-то деньги, и я не могу понять, откуда они. Ведь тебе их не на работе дали?

— Не на работе, — подтвердил я.

— Уж не с криминалом ли ты связался? — с тревогой посмотрела на меня жена.

— Не беспокойся. Это гонорар за рекламу табачного бренда. Похоже, моим следующим персонажем станет некто, чье имя превратилось в алкогольный бренд.

— Есть такие персонажи? — поинтересовалась жена.

— Их полно. Например, Джек Дэниел, изобретатель мягкого виски «Jack Daniel's». Есть и другие не менее знаменитые. Кто из них станет моим героем, неизвестно, но одно знаю точно: буду пробуждать в людях желание выпить.

— И когда начнешь?

— Думаю через неделю или две. Мне позвонят.

Жена неодобрительно взглянула на меня и отвернулась к окну, а я снисходительно посмотрел на нее, мол, давай капризничай, посмотрим, что скажешь, когда я через неделю снова получу прибыльную работу. Но ни через неделю, ни через две мне никто не позвонил, и, преодолевая неловкость, я позвонил в агентство сам.

— Хорошо, что напомнили о себе. Сейчас как раз Главная на месте, обождите секунду, — услышал я веселый голос художника. Через две минуты он снова взял трубку:

— Как насчет завтра? Можете подъехать к двум? Тогда ждем.

На следующий день ровно в два я был в агентстве. Художник, увидев меня, заулыбался.

— Рад, правда, рад. Главная ждет.

Мы прошли в ее кабинет. Главная, ослепительная, как всегда, встретила меня без обычной суровости и даже улыбнулась один раз.

— Ваши рассказы о путешествиях Кэмела Мэна добавили нам клиентов, — сказала она. — Игра удалась. Увы, сейчас работы для вас нет. Но мы надеемся, когда она появится, вы сразу же откликнитесь. Ведь откликнитесь?

— Откликнусь, — подтвердил я.

— Вот и хорошо, — обрадовалась она. — А в качестве аванса за будущее вот вам пятьдесят долларов.

Больше сказать ей явно было нечего, и вместе с художником мы вышли из ее кабинета в комнату секретаря, который, как обычно, разговаривал на английском с финном, живущем в Швеции.

— Не расстраивайтесь, не из-за чего, — с сочувствием посмотрел на меня художник. — Я, например, не против был бы получить пятьдесят долларов в качестве аванса неизвестно за что.

— А как насчет травить людей алкоголем?

— Этот вопрос не решен, и пока нам нужен обычный копирайтер

— Я согласен поработать обычным копирайтером.

— Вы не сможете. Компьютером в должной мере не владеете, английского как следует не знаете. Вот появится творческая работа, сразу позвоним. До новых встреч.

Он пожал мне руку, и ни его, ни его красавицу начальницу, именуемую Главной, я больше никогда не видел.

Под маркой «Леннаучфильма»

Гонорар за «Золотое путешествие таял стремительно, и надо было что-то предпринимать, но что? Сосед с верхнего этажа, успешно вписавшийся в новую действительность, предложил поработать в его магазине ночным сторожем.

— Отличное занятие. Никого нет: читай — не хочу. А не хочешь читать — спи. А если вдруг кто-то начнет ломиться, нажимай тревожную кнопку, и все дела. Не работа — прелесть, — говорил он мне, и в голове зазвучала финальная реплика незабвенного Остапа: «Не надо оваций! Графа Монте-Кристо из меня не вышло. Придется переквалифицироваться, в управдомы» (в моем случае в сторожа).

Размышляя на эту тему, я наткнулся в ящике своего письменного стола на отложенную на всякий случай газету «Смена» с номером телефона фирмы, предлагавшей японские унитазы, и набрал этот номер.

— «Умные унитазы», — услышал я в трубке старческий голос.

— Здравствуйте. Вас беспокоят из «Леннаучфильма», — представился я, как учил меня Дмитрий Иванович. — Мы хотели бы предложить вам разработку рекламного ролика.

— Сколько стоит?

Я назвал сумму.

— Не подходит.

На этом разговор должен был закончиться, и тут меня озарило:

— А еще мы могли бы придумать слоган.

— Что это такое?

— Ключевая рекламная фраза. Например, «Сделано с умом!» или «Изменим мир к лучшему!». Или...

— Сколько стоит? — перебил меня обладатель старческого голоса.

— Сто долларов, — сказал я и торопливо добавил: — За эти деньги мы предложим шесть вариантов, и вы выберете тот, что вам подходит.

— Почему шесть, а не десять?

— Видите ли, наукой установлено, что заказчику нельзя представлять более шести вариантов, дабы его не утомлять, — стал изображать я крупного специалиста по рекламе.

— И когда я смогу увидеть ваши шесть вариантов? — остановил меня обладатель старческого голоса.

— Завтра! — чуть не закричал я от радости, но сдержался и солидно произнес: — Через неделю.

— Договорились. Через неделю жду вашего звонка.

Вот это да! Заказ получен, да еще с первой попытки. Оставался пустяк: придумать шесть вариантов рекламной фразы. Про умные, а еще и поющие унитазы я ранее никогда не слышал, и они представлялись мне чудом, но как отразить это мое ощущение одной фразой? Тут же на ум пришло: «Предел фантазии в Европе и Азии». Как один из вариантов вроде годилось, но фраза не отражала сервисные возможности фирмы, и появилось: «Лучшее предложим, с выбором поможем, вовремя отправим, в целости доставим!» Получилось как куплет из частушки: длинно и в лоб, но кто знает: может, заказчик любит частушки? Зато следующая фраза получилась краткой и оптимистической: «С нами все получится!» Этот девиз заверял в надежности фирмы и имел забавный подтекст — на волшебном унитазе клиент забудет о проблемах со стулом, если они у него, конечно, есть. Развеселившись, я сочинил еще три рекламные фразы, а потом сверх программы придумал еще одну, после чего все семь фраз аккуратно, насколько был способен, переписал (компьютера у меня тогда еще не было) на обычный листок формата А4 и ровно через неделю набрал номер телефона фирмача. Но дозваниваться с первого раза не получилось: он то был на совещании, то на какой-то встрече, то вышел неизвестно насколько. Наконец уже в конце рабочего дня я услышал в телефонной трубке знакомый старческий голос:

— Да, помню. Можете приехать сегодня к семи часам? Тогда записывайте адрес.

Фирма, торговавшая умными унитазами, снимала офис на каком-то заводе, и, шагая по безжизненному полутемному заводскому двору, я подумал, что через него совсем недавно по утрам множество людей шли в свои цеха, и где теперь эти люди? Неужели на заводе остались одни арендаторы, успевшие к вечеру разбежаться по домам? Вглядываясь в окна одного из заводских корпусов, я только в трех из них увидел свет и, решив, мне туда, оказался в небольшом цеховом помещении, приспособленном под склад унитазов. То, что они умные, я понял по наличию на них пультов управления, но внимательно разглядывать не стал, а заспешил в отгороженное офисное помещение. Там за одним из прижатых друг к другу канцелярских столов одиноко сидел очень немолодой мужчина в шикарном костюме при галстуке и что-то писал.

— Вы из «Леннаучфильма»? — догадался он и, не предложив мне присесть, потребовал: — Показывайте, что вы насочиняли, — и протянул руку, в которую я вложил свой листок.

Он быстро просмотрел его и спросил:

— Можно забрать?

— Вам нужны все семь вариантов? — деловито спросил я, скрывая радость, что вроде моя работа его заинтересовала.

— Мне нужен один, но я еще не решил, какой именно, Надо подумать.

— Выбирайте любой, но при мне. Оставшиеся варианты являются моей интеллектуальной собственностью и пригодятся при работе с другими заказчиками, — попросил я.

Он посмотрел на меня взглядом, не обещавшим ничего хорошего. Рабочий день давно закончен, его подчиненные разошлись по домам, а он остался доделывать какие-то дела, и заниматься неожиданно свалившейся мыслительной работой ему явно не хотелось.

— Таков порядок в нашей фирме, — нагло пояснил я, хотя прекрасная идея не отдавать все слоганы пришла мне в голову несколько секунд назад.

Судя по тому, каким немигающим взглядом он уставился на меня, ему в ответ пришла другая идея: послать меня подальше вместе со всеми моими семью вариантами. Однако вдруг взгляд его смягчился.

— Ну, раз такой порядок, — проговорил он и стал перечитывать мой листок. Продолжалось это довольно долго. Наконец он оторвался от листка, ненадолго закатил глазки и быстро переписал какой-то вариант в свой ежедневник. Заглянув через его плечо, я с удивлением прочитал: «Не промахнетесь!» Это была написанная сверх программы седьмая фраза, которую я включил в список ради прикола. «Однако с чувством юмора у него все в порядке», — подумал я и спросил:

— Если не секрет, чем вы занимались до умных унитазов?

— Я музыкант, — мрачно произнес фирмач и достал из кармана пиджака причитавшийся мне гонорар.

Позже среди владельцев небольших фирм я встретил бывшую учительницу географии, занимавшуюся поставкой в магазины тропических фруктов, врачей, продававших потолочные покрытия, не счесть кандидатов наук, одну балерину, в общем, представителей многих славных профессий. «Все смешалось в доме Облонских», — думал я, накопив опыт общения с фирмачами, но тогда, после общения с продавцом умных унитазов, главным чувством было удивление: способ, подсказанный Дмитрием Ивановичем, оказался действенным. И выйдя с завода, я в первом же газетном киоске купил толстенный журнал под названием «Большая стройка», содержащий несколько сотен рекламных объявлений, за каждым из которых мне виделись сто долларов — надо только правильно подойти к делу. Но, увы, дело оказалось муторным. За неделю я обзвонил более пятидесяти фирм и везде услышал, что мои замечательные рекламные услуги им не требуются. Наконец на мой зов откликнулся какой-то человек из строительной фирмы с таинственным названием «Техностром»:

— Ролик — нет, а слоган давайте попробуем. Вам известно, чем мы занимаемся?

Я ответил, что в общих чертах известно, поскольку читал их рекламное объявление, но хорошо бы он ответил на несколько моих вопросов. Мы побеседовали по телефону минуты три и через неделю встретились в его кабинете, на двери которого сияла табличка «Заместитель генерального директора». Мой заказчик оказался элегантно приветливым мужчиной (малиновый пиджак был явно не для него). Он усадил меня в мягкое кресло и принялся изучать листок, в котором я, плюнув на рекомендации науки, записал для подстраховки не шесть, а десять рекламных фраз. Закончив чтение, он попросил меня подождать и вышел из кабинета с моим листком в руке. «На худсовет ушел», — подумал я с раздражением, но в тревожном ожидании пребывал недолго. Минут через десять мой заказчик вернулся и назвал фразу, которая им подошла: «Качество, надежность, ассортимент — будет доволен любой клиент!» Не лучший вариант из тех, что я предлагал, но хозяин — барин: взяли что-то, и слава богу. Он достал из своего шикарного портмоне сто долларов и, вручив их мне, потребовал, словно я в момент стал его подчиненным:

— А теперь напишите нам буклет.

До этого я видел только театральные буклеты, но, вспомнив, что нет таких трудностей, которых не преодолели бы большевики, попросил его о более серьезном, чем неделю назад, интервью. Он согласился и полчаса рассказывал, что «Техностром» чуть

ли не самый успешный на тот момент в стране холдинг по выпуску асфальтобетона и других материалов для строительства автодорог. У них в Карелии даже имелся собственный карьер, где они добывали горную породу, из которой получали щебень, причем не какой-нибудь там известковый или гравийный, а настоящий гранитный, высоко ценимый строителями, чем могли похвастаться немногие конкуренты. Слово «гранит» напомнило о детстве, когда я обожал разглядывать на разломах булыжников кристаллы слюды, кварца и полевого шпата, загадочно светившиеся при попадании на них лучей солнца. Но отвлекаться было нельзя, и я сосредоточился на конспектировании его сентенций.

Проникнувшись уважением к фирме, я без отвращения целую неделю сочинял текст буклета, хотя пришлось использовать словосочетания, смысл которых скрыт от меня до сих пор, типа «фирма выстроена по принципу вертикальной интеграции». Но когда я представил свой труд заказчику, он удивился:

— А знаете, вам удалось отразить главные направления работы нашего холдинга. Что ж, перейдем к наиболее приятной части нашей беседы — к деньгам. Сколько мы вам должны за работу?

Я подумал, что если за одну строчку мне заплатили сто долларов, то за пятьдесят или даже больше строчек можно и пятьсот попросить.

— Могу я мечтать? — задумчиво посмотрел я на своего заказчика.

— Можете, — вежливо кивнул он.

— Триста долларов! — выпалил я.

— А можно мы заплатим сто пятьдесят долларов? — снисходительно улыбнулся он.

Я понял, больше мне все равно не дадут, и согласился. Он вручил мне сто пятьдесят долларов и предложил подвезти до метро. На уже темной улице он любезно распахнул передо мной дверь черного «мерседеса», и мы поехали. Я впервые сидел в иномарке и был удивлен мягкостью ее хода — видимо, рессоры были лучше, чем у отечественных машин.

— Скажите, что было в вашем здании при советской власти? — поинтересовался я.

— То же, что и сейчас. Только мы именовались головным предприятием научно-производственного объединения.

— Но вы и тогда были заместителем генерального директора?

— Я был начальником отдела снабжения.

— Но ездили на этой же иномарке? — не унимался я.

— Иномарок тогда не было. Директор ездил на «Волге», а я на стареньких «Жигулях».

«Кому война, а кому мать родна», — подумал я, и тут же созрел вопрос: неужели строители, не в пример другим, выиграли от свалившихся всем на голову перемен? Но задать его не успел — мой заказчик лихо затормозил и распахнул дверь своей прекрасной иномарки:

— Ваше метро.

Мы попрощались и больше уже никогда не виделись. Дома, где к тому времени уже не было ни копейки, я с видом победителя отдал гонорар жене, но она почему-то не очень обрадовалась.

— Ты опять заработал деньги нелегальным способом? — с тревогой спросила она.

— Не совсем легальным, — признался я. — Почему-то никто не заключает со мной договор на мои рекламные подвиги. Вот и сегодня заказчик деньги достал из кармана пиджака. Видимо, эти люди не делают разницы между деньгами фирмы и личными деньгами.

— Тебя посадят, — испугалась жена.

— Не посадят, — успокоил я ее. — Деньги мне отдают один на один, а нет свидетелей — нет и преступления.

— Все-таки я волнуюсь, — сказала жена.

— Я тоже. Остается надеяться, что все будет хорошо.

Действительно, некоторое время эта история развивалась неплохо. Менеджер фирмы с забавным названием «Амбар», красивая, стильно одетая девушка, из десяти вариантов выбрала: «Отстроим вместе любое поместье». Видимо, тот «Амбар» был не так прост, раз на поместья замахивался. А директриса небольшой фирмы, занимавшейся поставкой кафеля из Испании, с ходу выбрала: «Солнце Испании в вашей кухне и ванной». Она оказалась бывшей переводчицей с испанского и смотрела на меня, будто я сам Федерико Гарсиа Лорка. Я даже ощутил исходивший от нее романтический флер. С почтением отнесся ко мне и следующий клиент — хозяйин фирмы, которая занималась настенными панелями и покрытиями. Молодой и очень обходительный парень, он внимательно прочитал мои варианты и объявил:

— Нам подходит: «Новая красота привычного интерьера».

— Отлично! — обрадовался я.

— Еще и этот вариант: «Не сыреют, не ржавеют и морально не стареют!»

— Два варианта стоят сто пятьдесят долларов — у нас система скидок, — объявил я, чувствуя себя ловким коммерсантом.

— Договорились, — не раздумывая, согласился он. — А можно вопрос?

— Пожалуйста.

— В какой должности вы работаете на «Леннаучфильме»? — неожиданно спросил он.

— Сценаристом, — ответил я, не моргнув глазом.

— Вы продолжаете заниматься своим делом, — почему-то вздохнул он.

«Нашел кому завидовать», — усмехнулся я про себя, после чего решил тоже повздыхать:

— Слоганы я сочиняю не от хорошей жизни.

— Нет, вы все равно сочиняете тексты и далеко от профессии не ушли. А я и мой компаньон — мы два врача. Нам уже не вернуться в профессию.

— Кто знает, может, еще вернетесь, — попытался я его подбодрить. — Как говорится, «пути Господни неисповедимы».

— В моем случае «исповедимы». Профессию легко бросить, а вернуться к ней...

Он достал из кармана сто пятьдесят долларов. Я взял их без всякого к нему сочувствия. Подумаешь, не своим делом занимается. Зато ему не приходится каждый день думать, чем кормить семью.

Через несколько дней я оказался на фирме, которая занималась продажей не то «Жигулей», не то запчастей к ним, точно не помню. Директор фирмы, парень лет тридцати пяти, в недавнем прошлом работник таксопарка, из предложенных мной вариантов выбрал: «Если вы купили ВАЗ, провидение за вас!» — видимо его привлекла мистическая составляющая. В качестве бонуса он подбросил меня до метро на своей шикарной иномарке, и я подумал: «Хитрец! Призываешь людей покупать ВАЗы, а сам на иномарке едешь!» Впрочем, в то странное время, когда многие едва могли наскрести на еду, число иномарок на улицах на удивление росло. В тот же день я побывал на фирме, производившей ширпотреб, где у меня приобрели слоган: «Наша галантерея — как выигрыш в лотерею!» — и расплатились двумя женскими шарфами: денег на гонорар у них не нашлось. Неделью спустя фирма, носившая гордое имя «Мона Лиза», расплатилась со мной тремя комплектами нижнего женского белья за два слогана с легким намеком на эротику: «Увидеть — везение, носить — наслаждение!» и «Удовольствие в неглиже!». А вскоре мне удалось осчастливить пять фирм подряд. Продавец стиральных порошков и моющих средства получил лозунг «С нами в чистую жизнь!»;

обувщик приобрел девиз «Сделайте правильный шаг!»; юридическая фирма стала обещать «Партнерство без головной боли!»; продавец оргтехники призвал клиентов идти «В ногу со временем, сидя в офисе!»; поставщик тканей начал зазывать покупателей так: «Какие ткани — аж голова в тумане!» Общение со всеми этими фирмами прошло замечательно: я заходил в кабинет директора, он просматривал мой листок, выбирал нужный вариант и расплачивался — на все про все пятнадцать минут. Однако такая лафа длилась недолго. Как-то я оказался со своими вариантами в кабинете директора фирмы «Консервпродукт», эlegantного мужчины лет сорока. Он брезгливо взял из моих рук листок, просмотрел его и произнес сквозь зубы:

— Пусть вначале мои женщины посмотрят.

Он вывел меня в офис, где сидело пять молодых женщин, и вернулся в свой кабинет. Я испугался: пять женщин — это пять мнений, и необязательно в мою пользу. Но женщины оказались добрыми и немного восторженными. Одна из них взяла в руки мой листок, прочла первый вариант, и остальные зашумели:

— Здорово! Да у человека талант!

Прочитала второй вариант, и снова:

— Прямо в яблочко! Ужели консервы наши так понравились, или кто вам сказал про них?

Прочитала третий вариант, и опять:

— Да он — поэт!

Минут через пятнадцать в офис вернулся директор и строго спросил:

— Выбрали что-нибудь?

— Да, — хором ответили женщины, и та, которая выступала в роли чтицы, с выражением прочла: «Если бабы стервы, выручат консервы!»

Директора чуть не перекосило.

— Вы что, с ума сошли? Придумали — оскорблять потребителей. Или полагаете, только мужчины консервы покупают? Ничего доверить нельзя, все самому надо делать.

Он забрал у чтицы листок, поизучал его и неожиданно объявил:

— Да вот же подходящий вариант: «Наши консервы — ваша удача дома, в дороге, в лесу и на даче!»

Он вручил мне сто долларов с уже знакомым брезгливым выражением лица, мол, до чего же мерзким занятием ты занимаешься. Впрочем, я об этом своем занятии был не более высокого мнения.

Следующей на моем рекламном пути оказалась фирма «Быстрое питание». Там тоже директор решил устроить худсовет, который прошел совсем как в театральных коллективах. Каждый выступавший хотел доказать, что он больше коллег дорожит честью своей замечательной фирмы, и старался убедительней других обругать мои слоганы. Это продолжалось, пока внимательно слушавший всех директор не прервал последнего выступающего:

— Короче, принимаем вариант: «Вкус отличный, выбор классный — раз, два, три, и жизнь прекрасна!»

Тут же все члены импровизированного худсовета согласно закивали, мол, именно на этом варианте мы и хотели остановиться, просто вы нас опередили.

Со временем я стал отмечать постоянное несовпадение во взглядах на прекрасное между мной и заказчиком. Так директор фабрики «Грим» записал в свой блокнот фразу: «Грим — это красота», хотя у меня она звучала загадочнее: «Грим — это красота; красота — это грим», намекая, что красоты без грима не бывает. А хозяин фирмы «Изолит», суровый немногословный парень, выбрал самый, на мой взгляд, скучный вариант из тех, что я ему предложил: «Электроизоляция без проблем». Он, видимо,

счел, что фраза отражает и качество изоляции, и возможность легко ее приобрести, хотя в моем списке были варианты повеселей, например: «Выиграй сражение с высоким напряжением!» Поставщик раков (попался мне и такой) из предложенной ему серии выбрал скучное и хвастливое: «Раки — класс! Такие лишь у нас!» На оптимистическое утверждение «Жизнь прекрасна, если раки красны!» и рискованный девиз «Наслаждайтесь раком!» он даже внимания не обратил. Хозяин фирмы «Дары природы» предпочел прямолинейное «Еда богов воочию — вкус, аромат и прочее!» почти фольклорному «Ешьте ягоды-грибочки и балдейте, фраерочки!» или изысканному «Аромат ожившего сна». А как-то я нарвался на хозяйку парикмахерской, носившей гордое имя «Нельсон». Уж не знаю, какого Нельсона эта дама имела в виду: адмирала или Нельсона Манделу, но когда она согласилась со мной сотрудничать, я тут же придумал: «Нельсон был бойцом умелым, теперь стрижет для пользы дела». Разумеется, этот вариант был отвергнут в пользу банального: «В „Нельсон“ ходят не напрасно — все недорого и классно!» Теперь-то мне ясно, что я ничего не понимал в рекламе, но тогда чувствовал себя художником, талант которого заказчик не может оценить в полной мере. Но что делать — гонорар был важнее эстетики. Недаром однажды мне приснилось, будто я хожу по громадным цехам какого-то завода-гиганта, и в каждом из них происходит одно и то же: я подхожу к столу начальника цеха и протягиваю ему рукописный листок с вариантами слоганов. Вокруг грохот, туда-сюда носятся электрокары, снуют рабочие в синих спецовках, а начальник внимательно читает мой листок, а потом достает из кармана сто долларов и вручает мне. Спрятав деньги, я иду в соседний цех, там тоже получаю сто долларов, и так я ходил из цеха в цех, пока не проснулся. А проснувшись, стал соображать, сколько же всего заработал на этом заводе — тысячу долларов или больше, и решил, точно никак не меньше тысячи. Но если так, где они? Окончательно же очнувшись, начал размышлять: этот сон к новой удаче или, наоборот, к неудаче или даже к полосе неудач? Мама всегда говорила: плохой сон означает, что все будет хорошо, но она ничего не говорила про хороший сон. Неужели к чему-то плохому? Тот день все-таки начался с удачи. Я подобрал для колбасной фирмой название — «Маэстро Колбасин», которое потом видел за витринами многих магазинов, и довольно скучный, зато отражавший рекламную идею фирмы, как ее там понимали, слоган: «Для богатых и бедных без примесей вредных», после чего даже подумал: «Сон в руку». Но на этом моя полоса везения закончилась, наступил облом.

Нас с кэпом начали преследовать неудачи!

Я позвонил по объявлению в очередную строительную фирму и предложил свои замечательные рекламные услуги. По обыкновению, мой невидимый собеседник рекламный ролик отверг с ходу (дорого), а вот разработкой слогана заинтересовался, и через неделю я явился к нему в офис с десятью вариантами на предложенную тему. В небольшой комнате за письменными столами сидели восемь или девять нарядных девушек и один мрачноватый мужчина лет сорока, и все они были погружены в какие-то бумаги. Когда я сказал, что приехал с «Леннаучфильма», девушки оторвались от своих бумаг и стали меня разглядывать — интересно посмотреть на живого киношника. А вот мужчина почему-то смотрел на меня с неприязнью и, как бы делая одолжение, предложил присесть. Он просмотрел мои варианты и, не сказав ни слова, одной рукой вытащил из кармана стодолларовую купюру, а другой бросил листок в ящик своего стола. Я заволновался и попросил его выписать фразу, которая ему понравилась, а листок вернуть мне, пояснив, как обычно, что оставшиеся варианты остаются

моей интеллектуальной собственностью. В ответ он достал из ящика мой листок и помахал им перед моим носом.

— В общем, так. Я беру всю эту собственность за сто долларов. Если не устраивает, забирай листок!

Судя по его ухмылке, он нисколько не сомневался в моем выборе.

— Так что, берешь сто долларов?

— Давайте, — пробормотал я, пытаясь сохранить видимость достоинства.

— То-то, — наставительно произнес он, после чего бросил мой листок обратно в ящик стола и пробормотал себе под нос, но так, чтобы все слышали:

— Хм, тоже мне интеллектуальная собственность. Я мог бы насочинять сколько угодно такой собственности. И мои девочки тоже смогли бы, только ни у кого из нас на такую ерунду времени нет.

Девушки, наблюдавшие за этой сценой, засмеялись и посмотрели на своего начальника с гордостью — эка отделал киношника, и поделом. Слишком уж они много о себе понимают, а по сути, ничем от простых людей не отличаются, просто форса больше. Я поспешил ретироваться из этого злосчастного офиса, и в моей голове почему-то зазвучала фраза из прочитанной в детстве книжки: «Нас с кэпом начали преследовать неудачи». Ее актуальность подтвердила встреча со следующим фирмачом. Он оказался парнем лет двадцати пяти, одетым, как и полагалось преуспевающему клерку, в элегантный костюм со строгим галстуком. А вот офис его выглядел убого: располагался на первом этаже, краска на стенах облупилась, зарешеченное окно под потолком придавало помещению тюремный вид. Кроме него, в офисе присутствовала немолодая, шикарно одетая дама — мне запомнились ее очки со свисавшей над ухом позолоченной, а может, даже золотой цепочкой, назначение которой я так и не понял. У входа в офис стоял совсем юный охранник, который почему-то вошел туда следом за мной. Что ценного могло находиться в этом похожем на сарай помещении, кроме его обитателей, я даже предположить не успел, потому что наша беседа с молодым фирмачом приняла неожиданный оборот. Он почти мгновенно просмотрел мой листок и уверенно ткнул пальцем в один из предложенных вариантов:

— Вот это изречение нам подходит.

— Отлично, — обрадовался я. — Выпишите его в свой блокнот, а свой листок я забираю.

— Забирайте, — согласился он и быстро переписал выбранный вариант в ежедневник.

Я с облегчением подумал, что, слава богу, на этот раз обошлось без препирательств. Но радовался я рано.

— Мы заплатим вам десять долларов, — объявил молодой фирмач тоном, не допускавшим возражений.

— Вы что-то спутали. Мы договаривались на сто долларов, — возмутился я, и тут в разговор вмешалась дама, которая до этого казалась всецело поглощенной своими бумагами:

— Сто долларов за одну фразу — не слишком ли это жирно?

— Но это столько стоит. Любое рекламное агентство подтвердит.

— Наверно, подтвердит, — согласился со мной ее молодой шеф. — Но мы от всех контрагентов ожидаем скидок — это наше правило. А если наши правила вас не устраивают, мы вас не задерживаем. Правда, Витя?

Витя, так, очевидно, звали охранника, набычился и грозно взглянул на меня.

— От души вам советую не отказываться от гонорара, — продолжил молодой фирмач. — Я готов его сейчас же вручить. Работа не должна оставаться неоплаченной. Вот и Витя так думает. Правда, Витя?

Витя посмотрел на меня, а я на внушительную кобуру, висевшую возле его бедра, наверняка непустую. Грозный взгляд его внушал простую мысль: «Если начнешь буяннить, я выстрелю, и все присутствующие подтвердят, что это была необходимая самооборона от пришельца с улицы, который непонятно зачем сюда забрел. Так что у тебя, парень, такая альтернатива — уйти отсюда с десятью долларами или без них. На принятие решения меньше минуты». Я взял эти позорные десять долларов и выскочил на улицу, проклиная наглеца вместе с его охранником, а заодно и себя, что занимаюсь таким мерзким делом. «Какой же это дрянной способ зарабатывать на хлеб насущный, — с горечью размышлял я в метро. — Но что делать? Грузчиком вряд ли заработаю больше. Пробовал, знаю. Так что остается утереться и новых клиентов искать». Именно этим я занимался почти всю следующую неделю и наконец вроде добыл заказ. Мой следующий фирмач оказался парнем лет тридцати пяти рабоче-крестьянского вида, говорившим не то с вологодским, не то с сибирским акцентом. Он внимательно изучил протянутый мной листок и сказал с чувством:

- Здорово!
- Это вы про какой именно вариант? — обрадовался я его реакции.
- Да мне все понравились, — широко улыбнулся парень. — Я давно слышал это слово, как его, ну, на букву С.
- Слоган, — подсказал я ему.
- Вот-вот, — обрадовался парень. — И мне хотелось посмотреть, как это будет применительно к моей фирме.
- Отлично будет, — обрадовался я возникшему контакту с заказчиком. — А теперь выберите вариант, который вам подходит.
- Да нам все подходят, — удивился моей непонятливости парень.
- Не будете же вы в своих рекламных объявлениях и буклетах использовать десять вариантов? — в свою очередь удивился я. — Так никто не делает. Достаточно одного или двух. К тому же десять вариантов дорого вам обойдутся.
- Не беспокойтесь. Мы непременно заплатим вам, когда появятся деньги на рекламу. Контакты свои не забудьте оставить.
- При чем здесь контакты? — возмутился я. — Мы договаривались, что вы заплатите, если моя работа вам подойдет. Или ваше слово ничего не значит? — воззвал я к его совести.

В офисе, кроме меня и парня, присутствовали три девушки. Они внимательно прислушивались к разговору и, казалось, сочувствовали мне, но когда я повернулся к ним в поисках поддержки, сразу уткнулись в свои бумаги.

— Я от своего слова не отказываюсь, — нахмурился парень и протянул мне мой листок, намекая, что пора бы мне покинуть офис. — Мы вам заплатим, когда деньги будут.

- Зачем же вы соглашались на мое предложение, если у вас сейчас денег нет?
- Я уже все объяснил, — рассердился парень. — А сейчас, извините, нам работать надо.

Он вышел из-за стола и медленно двинулся на меня. Никакого Вити в форме охранника в офисе не было, но он и не был нужен, потому что мой заказчик оказался на две головы выше меня и в полтора раза шире, так что я и не заметил, как оказался на улице со своим листком в руках. И, разумеется, никто позже из этой фирмы мне не звонил. Погоревав, я пропел про себя: «Не оставляйте стараний, маэстро» — и взялся за поиск нового клиента. К тому времени все фирмы из журнала «Большая стройка» я давно уже обзвонил и для продолжения своей бурной рекламной деятельности пользовался толстенной рекламной газетой, которая называлась «Реклама-шанс»,

где наткнулся на объявление, в котором (я глазам своим не поверил) крупно было написано: «Шпионская техника», а буквами помельче: «Вся запрещенная техника у нас». Пройти мимо такого я не мог (интересно же) и позвонил по указанному в объявлении номеру.

— Я вас прекрасно слушаю, — весело откликнулся на мой звонок молодой и красивый женский голос.

— Здравствуйте, вас беспокоят из «Леннаучфильма». Мы хотим предложить некоторые рекламные услуги, — завел я свою шарманку.

— Вы собираетесь снять про нас фильм? — рассмеялась моя невидимая собеседница.

— Мы действительно готовы снять представительский фильм или рекламный ролик о вашей фирме, если захотите, — продекларировал я возможности студии Каца.

— Это, наверно, очень дорого, — предположила собеседница

Я озвучил цены.

— Нам это не по карману. Что еще, кроме кино?

— А еще мы могли бы разработать для вас слоган, — продолжил я по накатанной схеме.

— Ой, как интересно, — оживилась она. — Нам такое еще никто не предлагал.

— Это потому, что никто не умеет их разрабатывать, — соврал я.

— А вы, значит, умеете?

— До сих пор на нашу работу никто не жаловался.

Я употребил солидное «нашу работу» вместо «мою работу», намекнув, что разработкой рекламной фразы будет занят чуть ли ни весь «Леннаучфильм».

— А если ваш слоган нам не понравится? — поинтересовалась моя собеседница.

Обычно такой вопрос означал, что потенциальный заказчик не готов платить, и с ним не стоит иметь дело. Но голос в трубке звучал так призывно.

— Если работа не понравится, мы разойдемся, как в море корабли, — ответил я и робко спросил: — Но если понравится, вы найдете сто долларов?

— Не сомневайтесь, — последовал вселяющий надежду ответ. — Когда приедете знакомиться с нашей продукцией?

— Достаточно, если вы ответите по телефону на мои вопросы, — сказал я, и моя собеседница рассказала, что ее фирма поставляет всем желающим скрытые видеокамеры, прослушивающие устройства (в просторечье «жучки»), портативные рации, отмычки замков, средства защиты от прослушки, скрытого видеонаблюдения и прочих мерзостей, а также средства личной защиты.

— Это все действительно шпионская техника? — не удержался я от вопроса.

— Нет, у нас обычные лицензионные средства безопасности, — засмеялась она. — А шпионская техника в объявлении — это рекламный ход. Умные люди посоветовали.

— Точно, не дураки, — согласился я с ней.

Через неделю я явился в офис этой странной фирмы, который располагался в помещении какого-то техникума, и увидел за письменными столами двух молодых девушек — блондинку и брюнетку в строгих деловых костюмах. Они обе недоверчиво посмотрели на меня, мол, что за тип нежданно-негаданно пожаловал в наши палестины. «Работа с безопасностью приучает к осторожности», — подумал я, и тут блондинка вдруг оживилась.

— Вы из «Леннаучфильма»? — догадалась она.

Я узнал ее красивый голос, а внешность вполне ему соответствовала — с такими данными можно было делать карьеру и в шоу-бизнесе.

— Именно из «Леннаучфильма», — подтвердил я.

— Очень приятно, — сказала блондинка. Она вышла из-за стола и подвела меня к стенду.

— Взгляните, чем мы торгуем.

Я взглянул. На стенде был полный ассортимент средств для промышленного шпионажа, как я его себе представлял, а также защиты от него плюс два пистолета из вороненой стали, точные копии боевых, но один пневматический, а другой газовый.

— Техникум — вполне подходящее место для продажи оружия, — пошутил я. — По крайней мере, когда я был студентом, пистолет мне точно не помешал бы.

Девушка засмеялась и вернулась на свое рабочее место, а меня пригласила присесть рядом и, превратившись в серьезную офисную даму, стала изучать листок, который я ей вручил. Вдруг она рассмеялась и повернулась к брюнетке:

— Посмотри вот этот вариант.

Та прочитала, тоже засмеялась и вернула листок блондинке, которая снова стала серьезной.

— Лучший слоган из тех, что вы предложили, — это «Жизнь прекрасна, когда безопасна». Его, несомненно, можно продавать, — объявила она.

— Да, можно продавать, — подтвердила брюнетка.

В этом тандеме она, несомненно, была главной, но вести переговоры со мной доверила блондинке, мол, заварилась кашу — сама и расхлебывай.

— То есть вы решили его купить, — обрадовался я.

— Вы нас поняли неправильно, — огорошила меня блондинка. — Слоган несомненно можно продавать, но не нам.

— Кому же его следует продавать?

— Вы это серьезно спрашиваете? — удивилась блондинка, а брюнетка хихикнула.

Я тупо уставился на них, и, похоже, они поверили, что я в толк не возьму, чего они хихикают.

— Тут все просто. «Жизнь прекрасна, когда безопасна» — это идеально для рекламы медицинских изделий, — объяснила мне блондинка причину их с коллегой веселья.

— Именно для них, — видимо, с глубоким знанием предмета поддержала коллегу брюнетка.

— Каких именно медицинских изделий? — попытался уточнить я, но они прыснули и дали понять, что нет смысла продолжать разговор.

Только на улице я сообразил, что для них жизнь прекрасна, когда секс безопасный. «Боже, что у них в головах», — подумал я и сам себе ответил: «А о чем еще должны думать молодые девушки. Не о пистолетах же, которые висят у них на офисном стенде?» Вернувшись домой в полном унынии, я снова (жить-то надо) взялся за «Рекламшанс» и обнаружил там объявление фирмы, занимавшейся изготовлением сварных решеток на окна, а также заборов, ворот, ограждений и других металлоконструкций, гарантирующих безопасность их владельцам. «Вот кто мне нужен», — подумал я и не ошибся. Через три дня, а не через неделю, как обычно (срочно были нужны деньги), вооруженный листком, который три дня назад отвергли сексуально озабоченные красавицы, я оказался в небольшом цехе, где предстал перед усталым немолодым мужчиной, самолично занимавшимся сваркой и сборкой своих, наверно, прекрасных конструкций. Он просмотрел мой листок и уверенно выбрал ту самую злосчастную фразу, которая, по мнению упомянутых красавиц, годилась только для рекламы презервативов. Никаких аналогий с этими изделиями ему в голову не пришло, видимо, опасный и безопасный секс занимали его не в той мере, как моих предыдущих клиентов. Я вышел от него с надеждой, что полоса неудач кончилась, но меня ожидал сюрприз. Когда на следующий день я позвонил по очередному объявлению и снова завел свою шарманку: «Здравствуйте, вас беспокоят из „Леннаучфильма“. Мы хотим предложить некоторые услуги», — меня остановили.

— Ах, из «Леннауцфильма»? — услышал я скрипучий голос, который показался мне знакомым. — Замечательно. Много слышал про вашу фирму. Но есть у вас такой...

И он назвал мое имя и отчество. У меня перехватило дыхание. До сих пор после выполнения заказа я никогда не сталкивался с фирмачами, и вот кто-то из них меня вспомнил. Но зачем? Между тем незнакомец продолжал:

— Скажите, вы с ним знакомы?

Это было круто — знаком ли я с самим собой? И как отвечать, если неизвестно, что этот тип хочет? Нет не знаком? Но если я ему зачем-то нужен, он начнет искать меня на «Леннауцфильме», и выяснится, что я самозванец. Необходимо было срочно узнать, что ему надо.

— Да, я с ним знаком. Это наш сценарист, — храбро ответил я.

— Очень хорошо, — обрадовался незнакомец. — Тут такое дело. Он предложил нам разработать слоган, и я...

— Простите, — перебил я его, — о какой продукции речь?

— Разве я вам не сказал? — удивился незнакомец. — Речь о мебельной фурнитуре. Я предупреждал вашего сценариста, что наша продукция требует особого подхода...

Я вспомнил этого зануду. Он час толковал мне по телефону, что слоган ему нужен особенный, а я в ответ заверял его, что на «Леннауцфильме» сочиняют только особенные слоганы. В конце концов мы договорились, и рассматривать мои варианты он поручил своему заместителю — молодому доброжелательному парню, а сам уехал в командировку. Тот и его четыре симпатичные сотрудницы не могли выбрать подходящий вариант, пока я не посоветовал остановиться на фразе «Мебель с нашей фурнитурой — признак вкуса и культуры». Расстались мы довольные друг другом, однако начальник, вернувшись из командировки, их выбор раскритиковал и потребовал мои координаты, но они их удалили за ненадобностью. Тогда он собрался искать меня на «Леннауцфильме», как вдруг я сам объявился.

— Ваш сценарист наплевательски отнесся к моей рекомендации, — продолжал возмущаться по телефону разгневанный фирмач.

— Ну и не брали бы ваши сотрудники слоган, если он так плох, — перебил я его.

— А ваш сценарист убедил их, что он хорош. Слоган сочинить не сумел, а убедить, что он хорош, — это у него получилось. Я все собирался пожаловаться вашему руководству, а тут вы позвонили.

— Вы, видимо, хотите получить деньги назад? — догадался я и хотел было объяснить ему, что у нас как в магазине: купленный товар возврату не подлежит. Но фирма-ча волновали не деньги.

— Нет-нет, о возврате денег речь не идет, — неожиданно заявил он. — Этот несчастный слоган мы разместили в наших листовках и буклетах. Деньги ведь уплачены, а у нас каждая копейка на счету. Но вы объясните своему коллеге, что на клиентов давить не следует! Это и неэтично, и плохо для него закончиться может. На таких деятелей есть всякие способы воздействия, в том числе и внеправовые. Поняли, о чем я?

— Да уж, как тут не понять, — испугался я.

— Вы уж передайте ему, пожалуйста, все, что я сказал.

— Передам, не сомневайтесь, — успокоил я его.

— Вот и отлично.

На том мы с ним и расстались, но настроение было испорчено надолго. Получалось, дело, которым я занимался, не только мерзкое, но и опасное. И что же делать? «Смириться под ударами судьбы или надо оказать сопротивление?» То есть присоединиться к тем моим знакомым, которые под упреки и крики возмущенных жен залегли на диван, ожидая не то конца света, не то перемен к лучшему, или продолжать

свою рекламную самостоятельность? Я выбрал самостоятельность и снова взял в руки «Рекламу-шанс», но меня подстерегал новый сюрприз. Когда я предложил по телефону очередной фирме свои замечательные рекламные услуги, мне раздраженно ответили:

— Спасибо, вы нам уже звонили.

Это был щелчок по носу, означавший: надо придумывать более надежную систему учета, иначе такое будет повторяться. Может, завести амбарную книгу и после любого звонка, неважно, удачного или неудачного, заносить названия фирм в алфавитном порядке? Но дело это нудное, и наверняка можно что-нибудь да напутать. К тому же случалось, что фирмы разного профиля имели одинаковые названия, и как с этим быть? Мои мучительные размышления прервал междугородный телефонный звонок, и, когда я снял трубку, услышал:

— Привет, это Володя Шестаков. Напиши стишата для моего спектакля.

Театр во спасение

С заслуженным деятелем искусств РФ Владимиром Александровичем Шестаковым я познакомился, когда он был студентом-дипломантом кафедры лучшего в то время режиссера музыкального театра Владимира Егоровича Воробьева, поставившего за несколько лет до этого первый советский мюзикл «Свадьба Кречинского» и снискавшего славу новатора музыкального театра. К тому времени я как раз написал пьесу со стихами «Рекламный агент при дворе короля Артура», где мой современник, подобно янки из знаменитого романа Марка Твена, оказывался в шестом веке. В отличие от героя Марка Твена мой персонаж не был умельцем, ничего не понимал в науке, зато овладел искусством рекламы настолько, что мог убедить любого приобрести совершенно ненужную ему вещь, и этого таланта оказалось достаточно, чтобы в шестом веке заполнить прилавки современным ширпотребом. Он так объяснял случившийся феномен:

Ах, подход научный мне совсем не нравится.

Вещи рекламируйте, и они появятся.

Так получим прелести все цивилизации

От велосипеда и до авиации.

В итоге в шестом веке возникло общество потребления, которое в конце пьесы погибало под грузом проблем нашего времени. Мой друг, композитор Борис Фогельсон, написал к пьесе прекрасную музыку, но театрам наш спектакль оказался не нужен, потому что, как положено при плановой экономике, во всех театрах страны репертуарные планы были сверстаны на пять лет вперед. Помочь мне могло только чудо или случай, и он представился. Боря дал почитать мою пьесу Володе Шестакову, студенту-дипломанту Театрального института, и мы втроем встретились. Студент Шестаков оказался ладным светловолосым крепышом и к своим двадцати девяти годам уже был многоопытен и мудр, поскольку успел поработать актером в Свердловском театре оперетты. Он единственный из студентов Воробьева учился на режиссера музыкального театра (остальные сокурсники готовились стать актерами), и это давало ему повод говорить, что он лучший ученик Воробьева по режиссуре. Шестаков объяснил мне, что музыкальные номера в моей пьесе являются зонгами, с помощью которых актеры объясняют свое отношение к персонажам, а это позавчерашний день. В современном мюзикле номера должны быть продолжением действия, и он готов говорить со

мной по каждому номеру. Мы стали регулярно общаться, и постепенно моя пьеса со стихами стала превращаться в либретто то ли мюзикла, то ли оперетты, то есть в нечто рангом пониже, чем драма или комедия. К тому же либретто, как объяснили мне знающие люди, оплачивалось намного хуже, чем пьеса для драматического театра, но об этом я даже думать не хотел. С детсадовских времен я мечтал заходить в театр со служебного входа, чтобы на равных беседовать со знаменитыми актерами и постигать закулисную жизнь, представлявшуюся мне возвышенной и прекрасной. А будет при этом театр музыкальным, драматическим или кукольным, не имело значения — абы театр. Вскоре Шестаков поехал в Иваново ставить дипломный спектакль и объявился через два года, уже будучи главным режиссером Ставропольского краевого театра музыкальной комедии. Как выяснилось, заняв в театре высокий пост, он сразу же отправил на имя председателя репертуарно-редакционной коллегии Министерства культуры СССР Генераловой заявку на постановку моей пьесы. В ней говорилось, что художественный совет театра одобрил мою пьесу «Рекламный агент при дворе короля Артура» (обозначенную как сатирическая комедия) и хочет включить ее в репертуар в следующем сезоне. Узнав, что фамилия председателя коллегии — Генералова, я подумал: разумеется, только с такой фамилией и следовало командовать искусством. Позже мне рассказали (уж не знаю, правда ли это), что референты Косыгина развлекались, расставляя на посты руководителей искусства людей с говорящими фамилиями. Впрочем, свою фамилию тов. Генералова вполне оправдала. Через два месяца за ее подписью в театр пришел ответ, в котором сообщалось, что в министерстве пьесу прочли, нашли в ней немало достоинств, но в ней отсутствует идейно-художественная составляющая, без которой произведение не может быть принято на госзаказ. Этот ответ Шестаков прочитал мне по телефону из Ставрополя.

— Надо понимать так: пьеса смешная, но безыдейная, — прокомментировал он заключение министерства. — Ты зачем написал безыдейную пьесу?

Между тем идея в пьесе была, и министерские клерки ее очень даже оценили, но, увы, знаком минус. Я убедился в этом, когда Шестаков переслал мне письмо из министерства вместе с экземпляром моей пьесы с карандашными пометками рецензента. Как и многие, я полагал, что в министерстве сидят дубы и держиморды, главная задача которых держать и не пушать, но это оказалось не совсем так. Рецензент сумел отметить все имевшиеся в пьесе и не замеченные завлитом театра стилистические и грамматические ошибки, неточные рифмы и метафоры. Восхищение рецензентом испарилось, когда я увидел громадный вопросительный знак против монолога одного из моих главных героев Ланселота, который в ответ на упреки в недостаточной лояльности королю слово в слово цитировал Марка Твена: «Видите ли, я понимаю верность как верность родине, а не ее учреждениям и правителям. Родина — это истинное, прочное, вечное; родину нужно беречь, о ней нужно заботиться, нужно быть ей верным. Учреждения же — нечто внешнее, вроде одежды, а одежда может изнашиваться, порваться, сделаться неудобной, перестать защищать тело от зимы, болезни и смерти. Быть верным тряпкам, прославлять тряпки, преклоняться перед тряпками, умирать за тряпки — это глупая верность, животная верность, монархическая, монархиями изобретенная; пусть она и останется при монархиях. С этой точки зрения гражданин, который видит, что политические одежды его страны изнашивались, и в то же время не агитирует за создание новых одежд, не является верным родине гражданином, он — изменник. Его не может извинить даже то, что он единственный во всей стране видит изношенность ее одежд. Его долг — агитировать, несмотря ни на что, а долг остальных — голосовать против него, если они не видят того, что видит он». Из книги Марка Твена эти слова никто никогда не вымарывал, а вот со сцены тревожить зрителя такими речами было нельзя. Острые высказывания допускались в спектаклях Г. А. Товстоногова, Ю. П. Люби-

мова, О. Н. Ефремова и А. В. Эфроса, но что дозволено Юпитеру, не дозволено быку. И когда Шестаков приехал в Москву, курировавшая театр министерская дама объяснила ему, что не будет против моей пьесы, если из нее исчезнут всяческие фиги в кармане, а упор будет сделан на противопоставление реалий шестого и нынешнего веков, которое наверняка позабавит публику. После этого расстроенный Шестаков исчез на десять лет и вдруг объявился как главный режиссер уже Петрозаводского музыкального театра.

— Я думал, что ты о «Янки» вспомнил, — обрадовался я, услышав его голос.

— Какие «Янки», ты что? — возмутился Шестаков. — Посмотри на календарь, какой нынче месяц? Правильно, ноябрь. А чем озабочен в это время театр? Понятия не имеешь? Тоже мне драматург. Новгодним спектаклем он озабочен. Дело это важное и прибыльное, потому что на каникулах к нам весь город придет. В общем, через два дня буду в Питере, и поговорим.

Через два дня мы встретились у него на квартире. Он рассказал странную историю, что еще весной какой-то театральный деятель всучил ему новогоднюю пьесу собственного сочинения, заверив, что она для театра клад.

— А пьеса оказалась полное... — Шестаков употребил не совсем печатное слово. — Жаль, не прочитал ее раньше, теперь надо выкручиваться. Ты напиши стишата и отдай их Боре.

— Э, какие стишата, если пьесы нет? Надо же знать, что за персонажи, чего им не хватает для счастья.

— Вот когда ты напишешь пьесу, это и выяснится, — удивился моей непонятливости Шестаков. — Но давай так — вначале стишата, чтобы Боря успел музыку написать. Ведь надо же еще аранжировку сделать, а времени осталось, сам понимаешь.

— И когда ты хочешь получить готовую пьесу?

— Через десять дней, — невозмутимо ответил Шестаков, словно речь шла об обычном сроке для такого дела.

— Ты что, с ума сошел? — воскликнул я. — Ты когда-нибудь слышал, чтобы пьесу писали за десять дней?

— Слышал я о таком или нет, значения не имеет, — сказал Шестаков и посмотрел взглядом Мефистофеля, искушающего Фауста. — Десять тысяч! Как цифра — ничего? Нравится? И это только за постановку. Еще тебе полагается пять процентов от сборов с каждого спектакля. Спектакль мы начнем играть двадцать четвертого декабря, а закончим девятого января, и каждый день по три раза. За это время тебе набегит еще десять тысяч. Не вижу смысла отказываться. Впрочем, твое дело. Откажешься — напишу пьесу сам.

«Десять тысяч, а потом еще раз столько же, когда у меня месячная зарплата шестьсот рублей, и ту уже год не платят», — пронеслось в мозгу, уставшем от поисков денег на хлеб насущный.

— Так что решил? — потребовал ответа Шестаков.

— Напишу за пятнадцать дней, — промямлил я.

— За двенадцать, — сделал маленькую уступку Шестаков.

— Ладно, попытаюсь за тринадцать, — почти согласился я.

— Торг здесь не уместен, — процитировал он начальническим тоном Остапа Бендера.

— Про что хоть пьеса должна быть? — попытался я понять, какой сюжет для него предпочтительней.

— Про Новый год, я тебе уже десять раз сказал, — начал сердиться Шестаков. — Иди работай, не теряй свое время и не отнимай мое. У меня художник, тоже приличный разгильдяй, не выходит на связь, и вообще, дел выше крыши.

Я проглотил начальническое разгильдяй, для которого никогда не давал ему повода, и вышел на улицу весь в раздумьях о будущей новогодней сказке. Ясно, что в ней симпатичные герои должны будут вступить в безжалостную схватку с неким злодеем, но кто эти герои, кто злодей, я понятия не имел. Дома я застал своего восьмилетнего сына Илюшу, который уже сделал уроки и собирался смотреть по телевизору мультфильм.

— Тут такое дело, — обратился я к нему. — Мне поручили написать новогоднюю сказку для театра. Может, что-нибудь посоветуешь?

Он сочувственно посмотрел на меня, потому что за свою коротенькую жизнь уже не раз побывал на детских новогодних утренниках и очень на них настрадался.

— Что молчишь? Кто, по-твоему, в моей сказке должен стать главным героем? — не отставал я.

— Только не Белочка, Лисичка или Зайчик, — сказал Илюша со знанием дела.

— Но почему? — удивился я. — Мне казалось, что для новогодней сказки Белочки, Лисички и Зайчики — самые подходящие персонажи.

— Это всем вам так кажется, — с горечью сказал он.

— Кому всем? — не понял я.

— Всем, кто сочиняет новогодние сказки для детей, — пояснил свою мысль Илюша. — Но имей в виду, папа, если и твоя сказка будет про Белочек, Лисичек и Зайчиков, то после спектакля дети закричат: «Автора! Автора!», а когда ты выйдешь на сцену, они рассмеются тебе в лицо.

— Что же мне делать? — испугался я. — Кто станет главным положительным героем моей сказки?

— Этого я не знаю, — ответил Илюша.

— Но хоть кто в ней будет главный злодей, ты можешь подсказать? — уже теряя надежду получить дельный совет, спросил я.

— Десептикон, — не задумываясь, ответил Илюша.

— Кто такой Десептикон? Мне про него слышать не доводилось.

— А ты садись со мной смотреть мультфильм. Он как раз начинается. Вот и узнаешь, кто такой Десептикон.

Я последовал его совету и не пожалел. Мультфильм оказался японским и для начала поразил меня великолепными красками и дизайном, а вскоре я так увлекся, что когда фильм закончился, сразу спросил, когда следующая серия. Главный герой мультфильма благородный робот-трансформер Оптимус Прайм вместе с командой из самых лучших, опытных и преданных ему таких же, как он, трансформеров, носится по вселенной в поисках новых источников энергии. Он воюет, чтобы защитить слабых и тех, чья свобода находится под угрозой. Ему противостоит ужасный Десептикон, тоже трансформер, имя которого происходит из сочетания английских слов «deception» («обман») и «construction», то есть он «робот-обманщик». Главная цель Десептикона — власть над вселенной, а первая преграда — Оптимус Прайм, и потому Десептикон вместе со своими соратниками вступает с Оптимусом Праймом в смертельную борьбу. Я сразу понял, что Илюша прав: ужасный Десептикон, безусловно, годится на роль главного злодея в моей будущей пьесе, и в голове сложился такой сюжет. Мальчик Андрей насмотрелся мультфильмов про трансформеров и объявил всем, что он больше не Андрей, а Оптимус Прайм. Перепуганные родители вызвали доктора, который объяснил, что мальчик тяжело заболел и спасти его может только Волшебная книга, но где и у кого она сейчас находится, неизвестно. Сестра мальчика Катя от знакомого Медведя узнает, что Волшебная книга находится у кого-то из сказочных героев, живущих теперь по разным причинам в лесу. Среди них Буратино (он ушел в лес из-за театральных интриг), Красная Шапочка (она лечит волка, пострадавшего от лесо-

рубов), Кот в сапогах и Снегурочка. Андрей вместе со своей сестрой Катей отправляется на поиски Волшебной книги в лес, и там выясняется, что Волшебную книгу похитил ужасный Десептикон, который считает, что абсолютную власть над миром он получит, только если останется единственным сказочным героем в мире, а все остальные герои сказок исчезнут. Катя и Андрей не могут с этим согласиться и вступают с Десептиконом в борьбу. Силы неравны, но в критический момент на помощь Андрею приходят герои любимых с раннего детства сказок, и выясняется, что хоть Десептикон огромный и могучий, но старые добрые сказочные герои сильнее и обаятельнее, потому что проверены временем. Определившись с сюжетом, я засел за работу. Обещанный гонорар вселял вдохновение, какого я никогда не испытывал, и через две недели пьеса была готова. Композитор тоже закончил работу к этому времени, и, очень довольные собой, мы отправили в Петрозаводск и пьесу, и клавишник с проводником поезда. А через день мне позвонил Шестаков.

— Ты что, с ума сошел? Зачем ты в свою пьесу трансформера всунул? — грозно спросил он.

— Так ведь на нем все действие держится, — начал оправдываться я, но Шестаков не дал мне возможности развить эту мысль.

— А кто твой трансформер строить будет, ты подумал? — спросил он еще более грозно.

— Нет, не подумал, — четко признался я.

— А надо было подумать. Деньги-то государственные, — злобно сказал Шестаков. — И что теперь делать?

— А ты вместо Десептикона задействуй его голос, а в программке так и напиши: Голос Десептикона, — предложил я, но Шестаков разозлился еще больше.

— Хоть соображаешь, что говоришь? Вместо персонажа его голос. Это от какой бедности надо на такое пойти?

Шестаков бросил трубку, и я решил, что вместо моей пьесы он поставит что-нибудь из жизни белочек и зайчиков. Но девятого января, в самом конце школьных каникул, он снова позвонил и предложил нам с композитором приехать в театр. Вечером того же дня мы с Борей сели в поезд до Петрозаводска и прибыли туда в шесть утра. В такую рань он нас встретил на вокзале и повез на собственных «Жигулях» в гостиницу передохнуть, а по дороге рассказал, что наша новогодняя сказка прошла в театре великолепно.

— С Десептиконом-то как выкрутился? — заинтересовался я.

— Да уж выкрутился, — усмехнулся Шестаков и рассказал, что он и художник спектакля проконсультировались у десятилетнего сынишки вахтерши, и тот им дал на время своего трансформера, ставшего моделью сценического Десептикона.

— Слух о том, что в новогоднем спектакле задействован трансформер ростом во всю сцену, который еще и двигается, мгновенно распространился среди детского населения города, — похвастался Шестаков. — Ко мне на спектакль ходили дети аж до девятого класса включительно.

Получалось, что вопреки пафосу спектакля успех его определил все-таки Десептикон, а не старые добрые сказочные герои, которые побеждали его на сцене, но не смогли вытеснить из детских душ. Как говорится, такова c'est la vie — какое время, такие и песни. Нам с композитором спектакль посмотреть не удалось — привычное дело для авторов. Зато когда мы с ним появились в театре, актеры заулыбались, а одна немолодая актриса даже поведала, что гордится доверенной ей ролью электронной пушки (на самом деле она играла Черную Вьюгу, которая в конце спектакля превращалась в робота). Шестаков отвел нас в кабинет директора, благожелательного человека лет пятидесяти, который предложил нам с композитором подписать подготовленные

заранее договоры. Мы с Борей *post factum* каждый в своем экземпляре расписались под обязательством написать: я пьесу, а он музыку к спектаклю «Волшебная книга». Было в этом что-то смешное: мы обязывались написать то, что уже написано и даже поставлено, впрочем, иных договоров со мной никто и никогда не заключал. Вечером того же дня в кассе театра мы с композитором получили гигантские, по нашим понятиям, деньги и, оглядываясь по сторонам, побрели на вокзал. Время было тревожное, и нам все казалось, что местные бандиты прознали про наши гонорары и поджидают за каким-нибудь темным углом. И когда мы сели в поезд, тревожные мысли не оставили нас. Оба соседа по купе показались нам подозрительными: какие-то неразговорчивые и лица как из сериалов про бандитов. Мы с Борей договорились не спать до утра (надо же было охранять свои портфели), однако заснули, как только улеглись на свои полки, а проснувшись уже утром, первым делом схватились за свои портфели и не выпускали их из рук, пока не показался вокзальный перрон. Вместе мы спустились в метро и разъехались в разные стороны. Я благополучно добрался до дома, но у своей парадной наткнулся на группу подвыпивших с утра мужчин, агрессивно смотревших в мою сторону. «Если будут отнимать портфель, отдам только с рукой», — подумал я, но, слава богу, они расступились, и в конце концов я предстал перед своим семейством. Не знаю, как Борю, а меня встретили, как национального героя. Я вручил жене гонорар, и, пересчитав его, она воскликнула:

— Даже не верится.

По этому случаю мне с утра было разрешено выпить рюмочку, но я ей не ограничился, и когда прилег на диван, потолок закружился, а диван вместе со мной стал проваливаться в тартарары.

«Вот умру, — подумал я, — и все будут смеяться: раз в жизни получил приличные деньги и от радости умер».

На следующий день мы с женой поехали покупать ей зимнее пальто в Гостинный двор. Торговые галереи, совсем недавно переполненные людьми, казались пустынными, как в войну или блокаду — тоскливое зрелище. Снова у людей не было денег: зарплаты стали маленькими, деньги на сберкнижках сгорели, а новые богатенькие еще не расплодились. Зато дефицит товаров закончился, и мы без очередей и толкотни купили жене пальто, а ребенку двухколесный велосипед, о котором он мечтал. На оставшиеся деньги мы кое-как дожили до лета, но я не слишком печалился, потому что вскоре надеялся получить авторские отчисления, еще десять тысяч. И я их получил, но, увы, их хватило только на два «Сникерса» ребенку и одну шоколадку «Марс» — свирепствовавшая тогда инфляция превратила рубли в копейки, и это никакая не метафора. Зато я наконец сообразил, почему по всей стране задерживали зарплаты. В условиях, когда процентные ставки по вкладам достигали более чем пятьсот процентов годовых, какие-то люди причитавшееся нам жалованье клали на свои счета в банке и, как говорили в народе, прокручивали там, а через год возвращали наши деньги совершенно обесценившимися. Кто были эти люди, откуда они взялись в обществе, совсем недавно считавшемся самым справедливым в мире, на каком парашюте их к нам забросили, я понять не мог, да и не очень хотел — надо было не философствовать, а как-то кормить семью. И пришлось, пусть с отвращением, вернуться к забытой (как я надеялся, навсегда) газете «Реклама-шанс». Но первая же попытка вернуться к рекламе закончилась невесело. Я откопал в «Рекламе-шанс» телефон какого-то платного медицинского учреждения, дозвонился туда и, представившись, как обычно, работником «Леннаучфильма», предложил разработку рекламного ролика.

— Какой ролик, о чем вы говорите? Медицина поддыхает! — услышал я негодующий голос, а затем короткие гудки.

Несколько минут я находился в состоянии ступора — уж больно зловеще прозвучали слова о гибели медицины. Но долго пребывать в ступоре было нельзя, и через несколько минут я дозвонился до другой фирмы и там услышал:

— Как надоел этот «Леннаучфильм»!

Получалось, я звонил в это заведение даже не второй, а может, и не третий раз, а все потому, что не наладил учет фирм, с которыми контактил. И все равно слушать такое было обидно. «Ну, ошибся человек, что ж его сразу клеймить, да еще таким тоном», — подумал я и, придя в себя минут через десять, позвонил на следующую фирму. На этот раз я решил действовать хитрее и, когда мне ответили, не стал упоминать о своей якобы принадлежности к «Леннаучфильму», а просто сказал:

— Здравствуйте! Я хотел предложить некоторые рекламные услуги.

— Какие услуги? — последовал логичный вопрос.

— Мы могли бы разработать для вас рекламный видеоролик, — сообщил я, надеясь в случае отказа перейти к разговору о слогане. Но до него дело не дошло.

— Не надо, — резко ответил абонент и повесил трубку.

Зато на следующей фирме меня внимательно выслушали, записали координаты и пообещали, что мои услуги им обязательно понадобятся, но через полгода, не раньше. Сразу после этого обнадеживающего разговора я опять нарвался на человека, которому уже предлагал свои замечательные рекламные услуги, причем дважды или трижды. Но человек этот не обругал меня, как два предыдущих, а сказал сочувственно:

— Слушай, парень! Я чувствую, у тебя не очень получается с продвижением рекламных роликов. Иди-ка ко мне на фирму. Будешь распространять по городу оренбургские пуховые платки. Климат у нас, сам знаешь, какой — и летом бывает холодно. Без куска хлеба, а может, еще и с маслом не останешься.

Продавать платки или еще что-то означало для меня совсем провалиться на дно, и я продолжил обзванивать фирмы, правда, на мои замечательные предложения никто не откликнулся. «Снова полоса невезения пошла, что ли? Если так, она непременно должна закончиться. Ведь сколько фирм я уже осчастливил своими слоганами. Почему бы мне не осчастливить еще столько же?» — рассуждал я! Но когда после недели безуспешных звонков стало казаться, что удача ко мне не вернется никогда, позвонил Дмитрий Иванович. Правда, его предложение меня напугало. Сценарий документального фильма про комету, о которой столько разговоров вокруг, это же не рекламный ролик сочинить. По Сеньке ли шапка? С другой стороны, опять пора за музыкальную школу ребенка платить, а чем? Ну, провалюсь на худсовете — мало, что ли, проваливался до этого? Зато, если повезет, заработаю что-нибудь для семьи.

— Так ждать вас на Кутузовской набережной, или вы отказываетесь от работы? — повторил вопрос Дмитрий Иванович. Похоже, он терял терпение из-за затянувшейся паузы.

— Нет, нет, что вы, ни в коем случае не отказываюсь, — заторопился я с ответом.

— Тогда жду вас по указанному адресу завтра ровно в три. Запишите номер аудитории. И очень прошу, не опаздывайте.

— Не опоздаю, не сомневайтесь, — заверил его я.

Комета Шумейкеров—Леви

На следующий день после неожиданного звонка Дмитрия Ивановича ровно в без пяти три я вошел в громадную дверь старинного дома на набережной Кутузова, где располагался Институт прикладной астрономии РАН. В свое время этим домом владел директор Академии наук Оленин, к дочери которого неудачно сватался Пушкин,

а в 1876 году дом купил отставной гвардейский полковник В. А. Пашков — глава знаменитой религиозной секты, собрания которой он проводил в своем доме на протяжении 14 лет. По капризу судьбы ныне именно в этом доме расположился форпост науки, не оставлявшей места для клерикальных идей. Я ничего не знал тогда о блестящей истории этого дома, где сам Пушкин бывал не раз, и, торопливо взбегаая по старинной лестнице, не ощущал трепета перед тенями людей, поднимавшихся по ней в незапамятные времена, — главное было поскорее найти нужную аудиторию. Это оказалось просто, и, переступив ее порог, я увидел каких-то людей, сидевших по двое за столами, как в школе, а у доски с мелом в руке стоял высокий худощавый человек. За ближайшим к нему столом сидел Дмитрий Иванович, который указал мне на единственное свободное в аудитории место — рядом с ним, и как только я уселся, человек у доски начал говорить, словно дожидался именно моего прихода.

— Кто это? — указав глазами на лектора, спросил я шепотом у Дмитрия Ивановича.

— Директор института академик Андрей Георгиевич Сокольский, — прошептал Дмитрий Иванович. — Да вы записывайте, записывайте за ним. Все ведь не запомните.

Я послушно раскрыл прихваченную с собой толстую тетрадь и стал усердно конспектировать за высокопоставленным лектором, причем, кроме меня, никто это не делал, и получалось, что остальные пришли из вежливости или так посидеть. В начале лекции академик рассказал, что помимо известных всем планет Солнечной системы — Меркурия, Венеры, Марса, Юпитера, Сатурна, Урана и Нептуна — существуют так называемые малые планеты, или астероиды — космические тела, имеющие диаметр более 50 метров и вращающиеся вокруг Солнца по собственным орбитам. Опасность столкновения некоторых из них с Землей столь велика, что ее нельзя игнорировать. Так падение на Землю астероида диаметром 100 метров окажет воздействие, сопоставимое с 1500 одновременно взорвавшихся Хиросим, а столкновение с телом порядка 1 километра в диаметре неизбежно приведет к гибели цивилизации. Академик подробно рассказал о катаклизмах, которые начнутся на поверхности Земли, если подобное столкновение случится, и я понял, что мой сценарий должен стать основой фильма ужасов, не меньше. Ведь в соответствии с математической теорией вероятности, чем дальше по времени мы удаляемся от последнего крупного столкновения, тем быстрее приближаемся к новому. Оно может произойти через сто, через двести лет, а может и в этом столетии. Так тела, подобные Тунгусскому метеориту, сталкиваются с Землей раз в сто лет, и, значит, вероятность подобной встречи еще в этом столетии весьма велика, при том, что кинетической энергии Тунгусского метеорита оказалось достаточно, чтобы вызвать взрыв мощностью, в 1000 раз большей взрыва над Хиросимой. А если подобный метеорит упадет на атомную электростанцию или магистральный трубопровод, произойдет региональная катастрофа, которая при насыщенности планеты радиационными, химическими и бактериологическими объектами перерастет в катастрофу глобальную. Далее академик подарил слушателям немного надежды и рассказал, что современный уровень развития науки и техники позволяет уничтожить любой угрожающий Земле астероид. Проще всего это сделать с помощью ядерного устройства, но вариант этот не является оптимальным, поскольку вместо крупного появятся 10 000 более мелких астероидов, которые постоянно будут представлять угрозу и чью траекторию будет еще сложнее вычислить. Более рациональным представляется искусственное изменение траектории опасного небесного тела. Для этого можно запустить прямо в астероид или разместить около него космический корабль, чтобы тот в течение некоторого времени утаскивал астероид с его траектории за счет гравитационного воздействия (этот проект называется «Гравитационный трактор»). А еще (этот проект показался мне самым остроумным) можно нанести на поверхность

астероида белую краску, после чего одна его сторона станет нагреваться солнечным светом больше, чем другая, что изменит траекторию астероида.

— Трагизм ситуации в том, — отметил в заключение академик, — что у мирового сообщества есть все необходимое, чтобы обнаружить и предотвратить столкновение с объектами размером более пятисот метров, в то время когда главная угроза человечеству исходит как раз от астероидов размеров меньше пятисот метров. В США шустрые компании уже начали страховать граждан от астероидной опасности. Ведь следить за всеми астероидами Солнечной системы и при возникновении опасности взрывать или изменять их траекторию — задача не посильная ни для одного даже чрезвычайно развитого в научно-техническом отношении государства, а значит, проблема астероидной опасности остается реальной для всего мира, и международному сообществу необходимо объединить усилия. С этой целью на базе Института теоретической астрономии АН России (того самого, где я как раз находился) создан МИПАО — Международный институт проблем астероидной опасности.

Сказав это, академик Сокольский положил передо мной листовку с заголовком «Обращение попечительского совета МИПАО к коллегам, деловым людям, политическим деятелям», содержавшую призыв к международной кооперации для предупреждения катастроф из-за астероидов, сближающихся с Землей. Листовка была подписана исполнительным директором МИПАО, которым оказался тот же академик А. Г. Сокольский, и я понял, что вся его лекция была прелюдией к утверждению, что мир не сможет сохраниться без этого самого МИПАО.

Публика стала расходиться, и Дмитрий Иванович представил меня академику. Тот вручил мне свою визитную карточку и попросил подошедшую к нему красивую женщину лет тридцати пяти отвести меня сначала в бухгалтерию для составления договора, а потом еще куда-то. В бухгалтерии я заполнил предложенный мне бланк, в котором с удовлетворением разглядел сумму своего гонорара, и в положенном месте поставил подпись. Затем красивая сопровождающая запутанными коридорами привела меня в большую комнату, где за огромным круглым столом трое мужчин лет пятидесяти на особом научном языке вели понятный им одним разговор.

— Посидите здесь, за вами придут, — сказала она и ушла.

Мужчины, не обращая на меня внимания, продолжали разговор с использованием неведомых мне терминов, пока один из них не повернулся в мою сторону и спросил дружелюбно:

— Вы кто?

— Сценарист, — ответил я, чувствуя себя немного самозванцем, все-таки штатным сценаристом я не был.

— И про что будет ваш сценарий?

— Про комету Шумейкеров—Леви.

— Что вы говорите? Тогда вам непременно надо посмотреть фильм про Юпитер, автор Холшевников—Феллини! — воскликнул мужчина и пояснил: — Я — профессор Холшевников, а Феллини времен «Амаркорда» был моим незримым консультантом. Вы любите «Амаркорд»?

— Разумеется, — ответил я тоном, не допускавшим сомнений в моем знании лучших фильмов всех времен и народов, как и полагалось штатному кинематографисту.

— Нет, я хочу уточнить. Любите ли вы «Амаркорд» так, как люблю его я, то есть всеми силами души вашей?

Вопрос содержал цитату из «Литературных мечтаний» Белинского, и я стал думать, какую бы цитату употребить в ответ, дабы показать, что тоже не лыком шит. Профессор между тем продолжал:

— А знаете ли, сколько всего скрыто в названии «Амаркорд»? Слово это — вариант итальянской фразы «mi ricordo», означающей «я помню» или «я вспоминаю». Но в нем также присутствуют корни итальянских слов «любовь», «горький» и «нить». Они позволяют прочесть название «Амаркорд» как «нити горькой любви» или «нити любви, связывающие автора с прошлым». А еще там присутствует слово «аккорд», означающее в контексте фильма...

Профессор прервал свою зажигательную речь, потому что в комнату вошел парень простоватого вида в потрепанном пиджаке и обратился ко мне, словно мы были давно знакомы:

— Извините, что задержался. Пойдемте.

Я послушно встал, сожалея, что не смогу дослушать профессора, и мы зашагали теми же запутанными коридорами, только в обратную сторону, пока не оказались в маленькой комнатке, где, кроме стола, шкафа с книгами и двух стульев, не было никакой мебели. Зато на столе, заваленном бумагами, красовался компьютер, что было редкостью по тем временам. Парень сел за стол и стал рыться в своих бумагах, при этом не назвал ни своего имени, ни отчества и не предложил сесть, давая понять, что общение наше будет недолгим.

— Вы кто? — спросил я парня.

— Ваш куратор, — ответил он и вытащил из кипы бумаг какие-то брошюры, вырезки из газет, сложил все это в огромный бумажный конверт и протянул мне:

— Здесь материалы, которые пригодятся вам в работе над сценарием. А это моя изитная карточка. Будут вопросы, звоните, заходите.

В визитной карточке были указаны его фамилия, имя, отчество и ученая степень — кандидат физико-математических наук. «Надо же, а по виду слесарь или водопроводчик», — подумал я.

— Если есть вопросы, задавайте, — предложил мой куратор с видом человека, которому некогда отвлекаться на всякую ерунду.

— Да, у меня есть вопрос. Академик Сокольский в своей лекции много говорил об астероидной опасности, но почему-то не сказал, как отразится на нас столкновение кометы Шумйкерова—Леви с Юпитером. А ведь этот вопрос благодаря прессе реально беспокоит людей.

— И напрасно, — усмехнулся мой куратор. — Юпитер — крупнейшая планета в Солнечной системе, классифицируется как газовый гигант. Его масса в 318 раз больше массы Земли. Взрыв, который произойдет при столкновении кометы с Юпитером, будет для него как слону дробина. Последствий мы на Земле не почувствуем.

— А как же газеты? Журналы?

— Что газеты-журналы?

— Многие из них предсказывают скорую вселенскую катастрофу. Недавно я прочитал, что при столкновении кометы с Юпитером произойдет мощнейший взрыв, в результате которого газовый гигант, в основном состоящий из водорода, превратится в гигантскую водородную бомбу, и она расколется Солнечную систему.

— Где вы такое прочли? — удивился куратор.

— В журнале «Наука и религия», номер четыре за этот год — вполне respectable издание. Статья называется «Конец света наступит 22 июля 2016 года», правда, со знаком вопрос.

— Автор у статьи есть?

— Какой-то Э. Рыжов, — с готовностью отпарировал я.

— Знаток этот ваш Э. Рыжов, — усмехнулся мой куратор. — Только он все перепутал. В водородных бомбах используют не обычный водород, а смесь его изотопов — дейтерия и трития, которая при взрыве превращаются в гелий. Юпитер же в основ-

ном состоит из обычного водорода, и взорваться, как гигантская термоядерная бомба, не может.

— Но многие поверили Э. Рыжову.

— Как можно верить любой напечатанной ерунде? — удивился мой куратор. — Теперь астрологи предсказывают будущее на каждый день недели. Так что, надо верить астрологам, поскольку их прогнозы в газетах напечатаны?

— Но ведь существуют серьезные астрологи, — попробовал возражать я.

— Кто вам сказал? — возмутился мой куратор.

— Вы не допускаете, что они существуют?

— Не допускаю, потому что астрология — не наука.

— То есть никаким гороскопам верить нельзя?

— Никаким, — твердо сказал он и, заметив, что я все еще сомневаюсь, усмехнулся: — Есть одно исключение.

— Какое? — заинтересовался я.

— Назовите месяц, день и, желательнее, час вашего рождения. Год вашего рождения я помню, видел вашу анкету.

— Я родился двадцать третьего августа в три часа ночи. А какой тогда был день недели, не знаю, никогда не интересовался.

— Это нетрудно узнать.

Он пробежался по клавишам компьютера и объявил:

— Вы родились во вторник. А теперь занесем остальные ваши данные. Предупреждаю, возможны некоторые трудности, поскольку вы — мутант.

— Я не мутант, я нормальный, — возразил я, хотя не понимал, о чем речь.

— Нет, вы — мутант. Потому что вы — дева, но и немного лев, но трудностей мы не боимся. О! Лучше бы я не брался за это дело, — огорчился он. — Судите сами. Вы сейчас находитесь под влиянием Меркурия, Солнца и Прозерпины — весьма неблагоприятная комбинация. С другой стороны, Луна как раз находится в фазе, связанной со стихией огня, отрицательно влияющей на ваш сексуальный и творческий потенциал.

— И что же мне делать со своим потенциалом? — испугался я.

— А что хотите.

Лицо его было непроницаемо, а глаза смеялись.

— Но вы же сами говорили, что никаким гороскопам верить нельзя?

— Правильно говорил. Нельзя. Но мне программа интересная попалась.

— То есть сегодня мне надо опасаться за свой сексуальный потенциал?

— Почему только сегодня? Точность моего прогноза одинакова, что на день вперед, что на неделю. Что касается его вероятности — знаете притчу про зеленую обезьяну?

— Нет.

— Шансов на то, что, выйдя на улицу, вы встретите зеленую обезьяну — пятьдесят процентов. Либо встретите, либо не встретите.

— То есть сбудется ваш прогноз или нет — шансы равны?

— Как у любого прогноза, — мрачно улыбнулся мой куратор, и тут зазвонил телефон. — Да, сейчас буду, — сказал он в трубку и протянул мне руку. — Извините, директор вызывает. Будут вопросы, звоните, заходите.

Я вышел из института с ощущением легкого дежавю. С одной стороны, мой куратор заявил, что астрология — вообще не наука, и не верить ему я не мог, все-таки специалист по звездам, кандидат физико-математических наук. С другой стороны, этот кандидат, хоть я и не просил, составил гороскоп с неблагоприятным для меня прогнозом. Зачем? Это он так шутил или хотел напугать? Мол, парень, небесные силы не на твоей стороне, и лучше оставь это дело, а сценарий я сам напишу, у меня лучше получится, ведь я специалист, а ты никто. Говорил же мне на фирме «Научные приборы»

начальник одного из цехов: «Зачем снимать фильм, когда я про этот прибор уже давно все снял». Может, и нынешний мой куратор как тот начальник? Зря, что ли, косился на меня, как на врага народа, мол, отстань от меня с дурацкими вопросами, некогда мне, директор ждет. Какое-то время я муссировал про себя эту конспирологическую версию, пока не вспомнил его слова, что вероятность осуществления астрологического прогноза равна шансу встретить на улице зеленую обезьяну, то есть пятидесяти процентам. Но по улицам столичного города обезьяны, да еще зеленые, не гуляют, и шанс встретить их там равен не пятидесяти процентам, а нулю. А значит, и вероятность осуществления его астрологического прогноза тоже равна нулю, тем более что, по его же словам, астрология не наука, а черт знает что. И вообще, надо думать о будущем сценарии, а не о всякой ерунде.

Когда я добрался домой, название сценария было найдено и звучало довольно грозно: «Предупреждение из космоса», после чего в голове стал складываться сценарный план будущего фильма. Главным его действующим лицом мог стать, разумеется, только академик Сокольский, которому по моему замыслу предстояло с экрана произнести пугающую речь о грозящей всем нам астероидной опасности. Я надеялся, что речь эта будет проиллюстрирована схемами и фотографиями, а главное, компьютерной графикой, которую способны с блеском выполнить художники Каца. Кульминацией же фильма станет обращение академика к коллегам, деловым людям, политическим деятелям всего мира с предложением о сотрудничестве с МИПАО. После составления такого замечательного плана сценария осталось только его записать, на что ушла неделя, и, очень довольный собой, я позвонил Дмитрию Ивановичу. На следующий же день мы в привычном составе собрались на его квартире. Обычно когда читаешь свой опус, трудно понять, нравится он слушателям или нет, но на этот раз я сразу понял: что-то пошло не так. Слушая мое чтение, Кац мрачнел, а когда я закончил, посмотрел на меня взглядом, не предвещавшим ничего хорошего.

— Ну и что я буду здесь снимать, кроме говорящей головы? — грозно спросил он, и кулаки его при этом сжались, а каждый из них был, как у меня два.

«Уж не бить ли он меня собирается?» — подумал я, но храбро возразил:

— А схемы, а фотографии, а компьютерная графика, наконец, с помощью которой можно изобразить не только комету с Юпитером, но и всю Солнечную систему. Очень красиво получится.

— А вы знаете, сколько стоит компьютерная графика? Не знаете? Тогда незачем и говорить, — вконец разозлился Кац и повернулся к Дмитрию Ивановичу: — Дима, надо что-то решать насчет него.

— Что решать? — не понял Дмитрий Иванович.

— Голова есть? — строго спросил Кац.

— Есть, — подтвердил Дмитрий Иванович.

— Вот и думай.

Кац встал и, не попрощавшись, ушел. Я понял, что моя карьера в кино закончена, и тоже собрался уходить, но Дмитрий Иванович остановил меня.

— Не расстраивайтесь. Кинорежиссеры часто недовольны сценаристами, дело обычное. Кац никуда от нас не денется, сценарии он писать не умеет. Напишите другой сценарий. Только найдите художественную идею. Пока такой идеи в вашем сценарии нет.

— Как нет? — возмутился я. — А призыв к ученым всего мира объединиться для борьбы с угрожающей Земле опасностью из космоса — это для вас не идея?

— Прекрасная идея, — согласился Дмитрий Иванович. — Но мы снимаем кино, и там идея должна быть выражена визуальными образами. А у вас ее озвучивает говорящая голова, и то, что она принадлежит уважаемому академику, ничего не ме-

няет. Подумайте над моими словами и приходите с другим вариантом сценария. Договорились?

— Договорились, — ответил я, хотя так и не понял, что они с Кацем от меня хотят.

Весь вечер я пытался найти достойную художественную идею, но так ничего и не придумал. «Снижение моего творческого потенциала налицо», — резюмировал я и пошел спать, а утром позвонил своему куратору и сказал, что необходимо встретиться.

— Может, по телефону все решим? — попробовал он от меня отбиться, но я сказал, что хочу показать черновой вариант сценария.

— Что ж, приезжайте, — вздохнул куратор, — но сегодня могу принять только после шести. Вас устроит?

— У вас ведь в шесть рабочий день заканчивается, — удивился я.

— Это у кого как. У нас после шести он только начинается. Днем суеты много: звонки бесконечные, посетители.

Тут я вспомнил знакомого физика-теоретика, который ровно в половине шестого, когда официально заканчивался его рабочий день, вставал из-за стола, даже если к этому моменту он успел записать всего половину только что сочиненной им формулы. Но, похоже, астрономы не как тот физик, и ровно в шесть я уже был в кабинете своего куратора. Он оторвался от компьютера и протянул руку за сценарием с видом человека, вынужденного отвлечься от проблем галактических, не меньше, и заняться ерундой. Компьютера у меня все еще не было, и сценарий был написан от руки, но куратора это не смутило. Он с непроницаемым лицом минут двадцать разбирал мой полудетский почерк и, закончив, спросил:

— В чем вопрос?

— Хочу услышать ваши замечания, — сказал я и открыл тетрадь, чтобы записывать.

— Все изложено правильно, — пожал плечами куратор.

— То есть вам сценарий понравился?

— О качестве сценария судить не имею права. Я не кинокритик, у меня другая профессия.

— Но ваше-то мнение каково? — не унимался я.

— Сказать? Вы настаиваете?

— Не настаиваю, прошу.

— Что ж, извольте. На мой взгляд, ваш сценарий суховат. Но я слышал, что по прекрасным сценариям снимались плохие фильмы и, наоборот, на основе не слишком ярких сценариев получалось отличное кино. Материал в вашем сценарии изложен правильно, что я и готов засвидетельствовать своей подписью. Подписать?

Он достал из ящика стола ручку.

— Нет-нет, пока не надо, — почему-то испугался я и спросил, не очень надеясь получить ответ: — А не подскажете, чего не хватает в моем сценарии?

— Этот вопрос вам надо задать вашему художественному руководству, — удивился моему вопросу куратор и встал, давая понять, что аудиенция окончена.

Я вышел из его кабинета и на пути к выходу чуть не столкнулся с профессором Холшевниковым. Он, как мне показалось, моментально оценил мое состояние и спросил:

— Что вас так озаботило, молодой человек?

— Да вот не могу найти художественную идею, а начальство требует, — поделился я с ним своей заботой.

— Тогда вам ко мне, — почему-то обрадовался он. — Не забыли, что у меня в соавторах, правда не подозревая того, был сам Феллини? Нет? Вот и отлично.

Мы пошли по коридору обратно и, миновав кабинет моего куратора, оказались в большой комнате, где я и познакомился с профессором. Он уселся за свой громадный письменный стол и спросил:

— Сценарий при вас?

Он просмотрел его раза в три быстрее, чем мой куратор, после чего спросил:

— Ну, и что вас здесь не устраивает?

— Меня-то мой сценарий вполне устраивает, — улыбнулся я. — Не устраивает он мое художественное руководство.

Профессор задумался, а потом произнес:

— А знаете, ваше руководство можно понять, — и, взглянув на мое расстроенное лицо, объяснил: — Вот вы говорите о космической опасности. Ну, ладно, не вы, Андрей Георгиевич в вашем сценарии говорит и приводит пугающие цифры, предсказывает возможную вселенскую катастрофу, гибель цивилизации. А зритель посмотрит ваше кино и спокойно пойдет ужинать. Космической угрозой его не напугать. Он привык жить среди угроз. Ежедневно ему или его близким угрожают тяжелейшие заболевания, техногенные катастрофы, увольнения и неприятности на работе, встречи с неприятными, а порой даже опасными людьми, наконец, тот самый пресловутый кирпич на крыше, который может свалиться на голову каждого. А еще каждого человека поджидает смерть, и если бы он об этом постоянно думал, то сошел бы с ума. Он и не думает. Немного романтизированно на эту тему высказался знаменитый переводчик и поэт Самуил Маршак:

Все умирает на земле и в море,
Но человек суровой осужден:
Он должен знать о смертном приговоре,
Подписанном, когда он был рожден.
Но, сознавая жизни быстротечность,
Он так живет — наперекор всему, —
Как будто жить рассчитывает вечность
И этот мир принадлежит ему.

— Очень хорошие стихи, — расчувствовался я.

— Стихи как стихи, — улыбнулся профессор. — Но в них подтверждается нежелание людей задумываться о смерти, по крайней мере когда они здоровы.

— По-вашему, это плохо?

— Это замечательно. Но задача вашего фильма вывести зрителя из благодушно-го настроения, восхваляемого Маршаком, и напугать смертельной опасностью, которую таит вроде бы безобидный космос. Надолго не получится, но пусть хотя бы задумается.

— По-вашему, слов академика Сокольского не достаточно?

— Слова — это слова. Их мимо ушей пропустить можно. Нужна метафора, которая убедит, что каждую минуту на любого жителя Земли может свалиться железяка весом не в одну тонну.

— Что это за метафора?

— Найти ее — ваша задача, не моя. На то вы и человек искусства. Но подсказать, в каком направлении ее искать, могу, если хотите.

— Конечно, хочу, — обрадовался я.

— Что ж, попробую. Итак, 16 июля этого, 1994 года комета Шумейкеров—Леви 9 врежется в верхнюю атмосферу Юпитера, о чем стараниями СМИ осведомлено практически все население страны, и не только.

— Это, безусловно, так, — согласился я.

— А известно ли населению или хотя бы вам одно интересное обстоятельство: уточнение орбиты этой кометы показало, что в 1972 и 1992 годах она уже приближалась к Юпитеру?

— Я читал об этом. Но что это меняет?

— Для нас с вами, как для жителей Земли, уже ничего. А для концепции вашего фильма, возможно, все. Ведь комета была обнаружена 25 марта 1993 года, тогда как в 1992-м она уже была в сфере мощного притяжения Юпитера, которое раздробило ее на фрагменты, растянутые в своеобразный космический поезд. И предстоящее событие на Юпитере должно стать для нас грозным предупреждением. Ведь не знали же мы о существовании кометы Шумейкеров—Леви, когда она в 1992 году, то есть совсем недавно, подходила к Юпитеру. Почему бы подобному космическому поезду или гигантскому астероиду, о котором нам сейчас ничего не известно, не двигаться к Земле в эти самые минуты? И кто знает, может, самое время вспомнить библейское пророчество, словно иллюстрирующее будущее столкновение неизвестного пока астероида с Землей: «Придет день, пылающий, как печь, и пройдет бедствие посуху и по морю...»

Зазвонил телефон.

— Да, я совершенно свободен. Заходите, — сказал кому-то профессор в трубку будничным голосом, полностью освободившимся от звучавшей в нем только что патетики.

— Но вы же обещали подсказать мне художественную идею, — напомнил ему я.

— Разве я это не сделал? — удивился профессор. — А по-моему, я высказал ее вполне доходчиво. Что недопоняли, прочтете в этой статье. Дарю.

Он протянул мне громадную во весь печатный лист вырезку из газеты, название которой я не успел разобрать, потому что в офис вошли какие-то люди и остановились на пороге.

— Заходите, не смущайтесь, мы с товарищем уже закончили, — обратился к ним профессор, вдруг потерявший ко мне интерес.

«И зачем к нему заходил? — размышлял я, шагая по коридору к выходу из института. — Вроде уважаемый человек, профессор, обещал подсказать художественную идею, и что? Прочел текст из Святого Писания? Так его в последнее время только ленивый не цитирует. Видно, действительно „кесарю кесарево, а богу богово“. Не способен человек науки, пусть даже знаток Феллини, выдать ну самую заваливающую художественную идею. Или идея эта в газетной вырезке, которую он мне вручил на прощание?»

Дома я сразу же достал ее из внутреннего кармана пиджака. Это была громадная статья из газеты «Эврика», вышедшая буквально на днях. Напечатана она была в рубрике «Проекты века» под звучным названием «Космическая стража» и с подзаголовком: «Астероидная опасность — проблема всего человечества». В статье этой сообщалось, что, в случае столкновения Земли с громадным астероидом непременно начнутся землетрясения, пожары и потопа, которые приведут к гибели цивилизации и долгой ядерной зиме. Об этих ужасах я уже слышал в лекции академика Сокольского, и потому они не произвели на меня особого впечатления. Но в статье еще рассказывалось, что рухнувший на Землю примерно шестьдесят пять миллионов лет назад астероид уничтожил популяцию динозавров и погрузил планету во мрак на целых два года. Мне почему-то очень стало жаль динозавров, и я подумал, что сценарий будущего фильма и, прежде всего, его название непременно следует ужесточить: «Предупреждение из космоса» — слишком беззубо, а вот «Последнее предупреждение из космоса» прозвучит более пугающе. При этом я понимал, что вряд ли комета Шумейкеров—Леви 9 действительно окажется последним предупреждением, и наверняка космос еще не раз скинет какие-нибудь железяки на голову нам или нашим детям. Оставалось надеяться, что следующий подобный сюрприз случится не скоро и мне не придется извиняться за название перед Кацем и будущими зрителями. Тут почему-то мне вспомнились слова Воланда из великого романа Булгакова: «Человек смертен, но это было бы еще полбеды. Плохо то, что он иногда внезапно смертен, вот в чем фокус!», и я подумал, что слова эти можно отнести не только к отдельным людям, но и ко всему челове-

ству. Полбеда, если громадное космическое тело окажется в орбите Земли в условиях, когда ученым заранее известно о его приближении и выработана стратегия, как избежать столкновения с ним. Беда, если космическое тело окажется в орбите Земли внезапно и мир не успеет подготовиться к такой встрече. Приближалась же комета Шумейкеров—Леви 9 к Юпитеру, а на Земле этого не заметили. Так почему не допустить, что ученое сообщество вполне способно проворонить немаленький астероид, оказавшийся на орбите Земли? Ведь метеоритов, неожиданно свалившихся на Землю, даже в новейшей истории, начиная со времени падения Тунгусского метеорита в 1908 году, было немало, что подтверждалось многочисленными сведениями, приведенными в подаренной мне профессором статье. Интересно, какие мировые проблемы занимали государственных деятелей по всему свету, когда космос посылал на Землю очередные грозные сигналы? Наверняка все они думали о чем угодно, только не о космической безопасности. Подобные мысли занимали меня весь вечер, а утром вроде бы сам по себе возник план нового сценария, и через две недели я уже мог прокрутить в своей голове новый вариант фильма, посвященного последнему на тот момент предупреждению из космоса.

Три виртуальных интервью

К концу работы над сценарием, посвященным комете Шумейкеров—Леви 9, я настолько проникся проблемой астероидной опасности, что сочинил три игровых сценки, в которых попытался представить разговор интервьюера с некоторыми должностными лицами высокого ранга. Рассудил так: если в реальности эти лица согласятся на интервью, вопросы к ним будут те же, что и в моих сценках, а если не согласятся, сценки эти в сценарий не войдут (артистов на роль должностных лиц приглашать не станем). В первой сценке мой интервьюер спрашивал воображаемого председателя Санкт-Петербургского государственного комитета по делам гражданской обороны, разработаны ли в его ведомстве мероприятия по защите населения от астероидной опасности.

— А такая опасность существует для нашего города? — удивлялся виртуальный председатель.

— Ученые считают, что такая опасность угрожает всему миру.

— Что ж, передайте ученым, пусть не беспокоятся. У нас разработаны мероприятия по защите населения при угрозе любого нападения с воздуха. А как будут отбивать такую атаку, лучше спросить у начальника войск ПВО ЛВО, и если повезет, он вам ответит в пределах дозволенного.

Далее автор волшебным образом попадал в кабинет начальника войск противовоздушной обороны Ленинградского военного округа и задавал сакраментальный вопрос:

— Каковы будут ваши действия при обнаружении неопознанного космического объекта?

— Доложим по инстанции. Прикажут — собьем, — уверенно отвечал виртуальный начальник ПВО.

— А без приказа?

— При угрозе безопасности населению, примем решение самостоятельно.

— То есть собьете?

— Не сомневайтесь.

— А если осколки упадут на ЛАЭС?

— Постараемся, чтобы не упали.

— Можете это гарантировать?

— Наша фирма гарантий не дает. А вы не хотите с таким вопросом обратиться в Госкомитет по ЧС?

И я мысленно отправлял своего интервьюера в Москву, в кабинет председателя Госкомитета по чрезвычайным ситуациям.

— Скажите, изменилось ли ваше отношение к проблеме астероидной опасности после столкновения кометы Шумейкеров—Леви с Юпитером? — спрашивал мой интервьюер виртуального председателя Госкомитета.

— Почему оно должно измениться? Никаких последствий для нашей страны и для мира это столкновение не имело, — демонстрировал свою осведомленность виртуальный председатель.

— Но эту комету обнаружили всего за год до ее столкновения с Юпитером, а она приближалась к нему еще в 1972 году. Не означает ли это, что проблема космической безопасности населения не решена в полной мере?

— Согласен, не решена. Но проблема эта касается всего человечества.

— То есть с этим вопросом следует обращаться в МИД или ООН?

— Это ничего не даст. Возвращайтесь в Петербург и обратитесь с этим вопросом к директору Института прикладной астрономии РАН, академику Андрею Георгиевичу Сокольскому, самому осведомленному человеку в стране обо всем, касающемся астероидной опасности, который одновременно является исполнительным директором МИПАО.

«Может, так и в реальности будет?» — подумал я, очень довольный тем, как замечательно выстроил цепочку вопросов и предполагаемых ответов, но сведущие люди объяснили мне: подобные интервью состояться не смогут. Объявить на всю страну, что защита от астероидов у нас обеспечена, когда над этой проблемой трудятся ученые во всем мире и неизвестно к чему еще придут, может только сумасшедший. А говорить на камеру, что проблема астероидной безопасности в стране, как и во всем мире, не решена, вряд ли кто из высоких должностных лиц станет, по чину не положено. Ведь одно дело, когда на эту тему рассуждает академик: он ученый, мало ли что придет в его гениальную голову, и совсем другое — высокие должностные лица. Недостаток их уверенности в абсолютной защищенности населения страны от чего угодно, в том числе от сближающихся с Землей астероидов, может расстроить зрителей, вызвать гнев начальства и осложнить жизнь съемочной группе. Цензура, конечно, отменена, но не стоит дразнить гусей. Кто эти гуси, кого конкретно имели в виду сведущие люди, я так и не понял, но сработал атавизм прошедших времен — привычка к самоцензуре, и сценки с гипотетическим участием высоких должностных лиц из сценария я исключил.

В кино может случиться все

Когда наконец я посчитал работу полностью выполненной, сразу же сообщил об этом Дмитрию Ивановичу.

— Очень хорошо, — обрадовался он. — А я как раз собрался вам звонить. Приезжайте ко мне завтра, нет, лучше сегодня к восьми. Сможете?

— Зачем такая срочность?

— Приедете, объясню.

Было около семи вечера, и ехать никуда не хотелось, но я подумал, что, скорее всего, Кац вернулся из очередной командировки и требует меня под светлые очи. Но когда я приехал, Дмитрий Иванович оказался один.

— Где Кац? — удивился я.

— Где ему сейчас и положено быть — в Балтийском море на эсминце «Беспокойный». Снимает кино. А вас я попросил приехать потому, что в Институте астрономии требуют сценарий, поскольку до времени Х осталось меньше двух месяцев. Я уж и не знал, что им сказать, а тут вы объявились. Сценарий с собой?

— Разумеется. Только как же вы его будете без Каца рассматривать?

— Так и буду. Давайте ваш сценарий.

— Может, я лучше прочту? Вы же знаете, у меня почерк не очень.

— Я на слух тексты воспринимаю, так сказать, импрессионистически, предпочитаю глазами. Да вы не беспокойтесь. Помните Рудольфи из «Театрального романа»? Вот и я, как он, любой почерк разбираю.

Он не торопясь просмотрел сценарий и надолго задумался. Я терпел, сколько мог, и наконец не выдержал:

— Ну как?

— Вы зря хаяли свой почерк. Не каллиграф, но разобрать можно.

— Я не про почерк спрашиваю.

— Понимаю.

Дмитрий Иванович умолк, и я было решил, что он раздумывает, как бы повежливей послать меня подалее вместе со сценарием, и на этот раз навсегда. Но он принял другое решение:

— Поступим так. Я завизирую сценарий, а вы завтра отвезите его астрономам. Если они его примут, вопрос решен.

— А вдруг сценарий не понравится Кацу? — поосторожничал я.

— Мне понравился, а Кацу не понравится? — удивился Дмитрий Иванович. — Такого быть не может, мы много лет вместе. И потом, я кто по должности, помните?

— Вы директор киностудии.

— Правильно. Поэтому езжайте к астрономам со спокойной душой.

Он завизировал сценарий, и на следующий день я отвез его своему научному куратору. Он принял меня, как всегда, равнодушно, быстро прочитал сценарий и сказал:

— У меня только одно замечание. Вы периодически употребляете словосочетание «таймер времени». Совсем не знаете английский?

— Знаю в объеме высшего учебного заведения, — смутился я. — А что?

— Тогда вам должно быть известно, что слово «таймер» — производное от английского time: время, и таймер времени — это масло масляное. А в вашем случае это название вообще употреблять не стоит.

— Почему? Ведь красиво: таймер тревожно отсчитывает время до катастрофы. Как в голливудском фильме.

— Да? Может, вы и правы, — нехотя согласился мой куратор. — Я, правда, не видел таймера, который отсчитывает годы, хотя слышал, что существует таймер на шестьдесят восемь лет. Может, там и годы указываются.

Он вложил мой сценарий в красивую прозрачную папку, наверно, чтобы передать ее академику Сокольскому.

— Позвоните мне через три дня, — сказал он и встал, давая понять, что мое время в его кабинете закончилось.

Через три дня я ему позвонил и с удивлением услышал, что могу на следующий день приехать за гонораром, касса открывается в десять, находится на втором этаже, номер кабинета такой-то. Вот это да! Рассчитывал получить деньги ну не раньше чем начнется производство фильма, и вдруг такой сюрприз. На следующий день ровно в десять равнодушная к душевным волнениям простых смертных кассирша выдала мне под роспись причитающийся в соответствии с договором гонорар, и я помчался

к своему куратору. Мне хотелось сказать, что только благодаря его вниманию и бесценным материалам, которыми он меня снабдил, я смог написать сценарий на совершенно мне чуждую тему. Но кабинет оказался закрыт, а на мой стук вышла девушка из соседней комнаты.

— А где сам? — кивнул я в сторону двери.

— Его сегодня нет в институте. У него банный день.

— Вы это серьезно? Он пошел в рабочее время в баню?

— Ну да, — удивилась моей тупости девушка. — А в какое время туда ходить?

— Наверно, после работы. Или это какая-то особенная баня?

— БАН, или баня, — это сокращенно Библиотека Академии наук, — улыбнулась девушка и ушла в свою комнату.

Я понял, что выглядел в ее глазах кретином, от чего радость моя чуть-чуть померкла, но уходить все равно не хотелось, и я направился в офис профессора Холшевникова. Ведь это он помог найти ключ к написанию сценария, и хотелось сказать ему что-то хорошее. Профессор оказался на месте, но у него сидели люди. Он сделал мне знак рукой, мол, не сейчас, и я понял: не судьба мне сегодня побеседовать с этим замечательным человеком. Из возможных собеседников в институте оставался только академик Сокольский, но беспокоить его без повода — это был бы перебор, и я поехал домой. Там я первым делом позвонил Дмитрию Ивановичу и сказал, что получил гонорар. Дмитрий Иванович ничуть не удивился.

— Поздравляю! Только имейте в виду: даже в согласованном сценарии всегда требуются изменения и дополнения, даже не сомневайтесь. Кац вернется и расскажет, что надо будет сделать.

Я заверил Дмитрия Ивановича, что готов по первой же просьбе его или Каца вернуться к сценарию.

— Не сомневаюсь в вашей порядочности, — сказал он в ответ.

Прошел месяц. Мы с женой и ребенком собрались ехать к ее родителям в Краснодарский край, но перед покупкой билетов я позвонил Дмитрию Ивановичу и сказал, что готов задержаться, если нужен им с Кацем.

— Поезжайте со спокойной душой, в ближайшее время мы вас беспокоить не будем, — заверил меня Дмитрий Иванович. — Кац сейчас в очередной поездке, а вернется, поедет в Зеленчук снимать столкновение кометы с Юпитером и все, что будет происходить в обсерватории. Ваш сценарий он еще не читал, но обязательно прочтет, и если потребуется доработка, уж не обессудьте, мы вам позвоним.

Доработка, видимо, не потребовалась, потому что после моего отпуска ни Кац, ни Дмитрий Иванович мне не позвонили. А 16 июля 1994 года, в 22 часа 45 минут по московскому времени, как и предсказывали ученые, комета врезалась в Юпитер и особого ажиотажа в СМИ не вызвала. Вселенской катастрофы, слава богу, не случилось, и СМИ о недавно знаменитой комете забыли — мало, что ли, на Земле событий, которые помогут поднять тиражи и рейтинги. Вскоре я случайно узнал, что, Кац все-таки сделал фильм о комете Шумейкеров—Леви и его вроде даже показали по телевидению. Мне, естественно, захотелось его посмотреть, и я позвонил Дмитрию Ивановичу.

— Конечно, я вам покажу фильм, если только захотите его посмотреть, — сказал он, и тон его голоса показался мне странным.

— Что значит, если захочу? Все-таки фильм сделан по моему сценарию.

— В том-то и дело, что от вашего сценария в фильме осталось только название, — ошарашил меня Дмитрий Иванович.

— Не может быть! Ведь за сценарий я деньги получил!

— Ну и что — деньги. Случается, фильм снят, деньги получены, а фильм на полке лежит. Вы о таком разве не слышали?

- То есть я написал плохой сценарий?
- Я этого не говорил. Все из-за того, что ваш первый вариант Кацу не понравился.
- Да, но я же написал второй вариант.
- Верно. Но к тому времени Кац уже связался с бывшей своей сценаристкой, которая предложила простой и эффективный сценарный ход.
- Что за ход?
- Вам интересно?
- Если честно, не очень. Но расскажите.
- Тогда я вкратце. Существует у документалистов ход, который называется «Незнайка».
- Как это?
- Очень просто. Приглашается человек, лучше известный, но далекий от выбранной тематики, и ему рассказывают все, что хотели бы сообщить зрителю. Сценаристка дружила с женой замечательного композитора Андрея Петрова. Его-то и пригласили на роль незнайки. Кстати, в конце фильма он попадает на церемонию, где одной из малых планет присуждают его имя.
- И фильм понравился астрономам?
- Очень понравился, и не только им. А вы, если у вас претензии, звоните Кацу. Я здесь совершенно ни при чем.

Разговаривать с Кацем, после того, что я услышал, было совершенно бессмысленно, но я ему все же позвонил. Кац меня удивил еще больше, чем Дмитрий Иванович. Он заявил, что второго варианта сценария не видел и даже не слышал, что он существует, в общем, ушел в глухую несознанку. Я ему, разумеется, не поверил — все-таки мне заплатили деньги, и он не мог об этом не знать. Но потом сообразил: после того, как он договорился с какой-то сценаристкой, читать мой новый труд ему было ни к чему. А вот название моего сценария «Последнее предупреждение из космоса» ему так понравилось, что он его оставил, и, по-моему, зря. По крайней мере, теперь оно мне кажется одновременно неточным и фальшивым. Ну, какое, в самом деле, это последнее предупреждение из космоса — теперь уже давнее столкновение гигантской кометы с Юпитером в 1994 году? Мало, что ли, после этого предупреждений из космоса было? Взять хотя бы близнеца Тунгусского метеорита — Челябинский метеорит, падение которого в феврале 2013 года подтвердило слова академика Сокольского, что подобные тела сталкиваются с Землей примерно раз в сто лет. Разве Челябинский метеорит не был очередным предупреждением из космоса? Это же счастье, что эти два метеорита-близнеца — Тунгусский и Челябинский — разорвались, не долетев до Земли. А сколько предупреждений из космоса еще будет! А что они будут, сомнений у ученого сообщества нет. Сейчас я назвал бы тот давний сценарий так же, как назвал эту повесть — «Под знаком Шумейкеров—Леви», потому что название это отражает ожидание катастрофы, царившее в обществе по мере приближения кометы к Юпитеру. Впрочем, это ожидание присутствовало задолго до того, как общество узнало о злосчастной комете. На мой взгляд, пусть не в такой явной форме, присутствует и сейчас.

Александр ГОРОДНИЦКИЙ

СТУПЕНИ ЭРМИТАЖА

Я пою, хоть нет на то талантов,
Белой ночью, что светлее дня,
Стоя у подножия атлантов,
И атланты смотрят на меня.
А вокруг, пока хватает глаза,
Верящий надежде наперед,
Улицу наполнив до отказа,
Подпевает песенку народ.
Быть счастливым никогда не поздно.
Под негромкий наговор струны
Я переживаю час мой звездный,
Там, где звезды в мае не видны.
Облаков серебряная вата
Уплывает медленно в залив.
Каменные слушают ребята,
Головы курчавые склонив.
И трепещет в сердце каждый атом,
И надежда теплится опять,
Что и я, стоящий с ними рядом,
Помогу им небо подержать.

ИМПРЕССИОНИСТЫ

Алене Петровской

Когда осенний дождь неистов
И день безрадостен в окне.
Припомню импрессионистов:
Дега, Сислея, и Моне.
Когда густеет сумрак плотно
И не дает спокойно спать,
Взгляну на яркие полотна,
И жить захочется опять.
От буден серого кошмара
Сбежав на несколько минут,
Смотрю на женщин Ренуара,
Которые меня не ждут.

Александр Моисеевич Городницкий родился в 1933 году в Ленинграде. Советский и российский ученый-геофизик, доктор геолого-минералогических наук, профессор, член Российской академии естественных наук. Широко известен как поэт, бард, считается одним из основоположников авторской песни. Лауреат Государственной литературной премии имени Булата Окуджавы. Заслуженный деятель науки РФ, главный научный сотрудник Института океанологии им. П. П. Ширшова РАН.